ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Нижний Новгород
2023

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
Л47

МАРГАРИТА ШУВАЛОВА
(КСТОВО, НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

* * *

Нет лица у войны.
Нет души у войны,
Только запах:
густой, тошнотворный,
Запах смерти.
И даже в цветенье весны
Цвет один у войны – черный.

Черный пепел и стон
от зияющих ран
И рассветов кровавое море.
И загубленных душ
Над землей караван…
Смысл один у войны – горе…

ЦВЕТОК ДОНБАССА

Душа твоя миру открыта,
Но сам он преступно жесток
К тебе, моя тёзка, Рита –
Донбасса прекрасный цветок.

С тобою живёт по соседству
Удушливой злобы полна,
У деток, крадущая детство –
Бездушная тётка война.

Тебе она дарит гостинцы,
Бессовестно пряча лицо,
И вместо конфет убийца
Сжимает гранаты кольцо.

За нею кровавые беды
И смерти пугающий вой.
С осколками от ракеты
Злодейка играет с тобой.

Лишь правда лица не прячет,
Хоть взгляд её прям и суров.
В руках её кукла и мячик,
А в сердце горячем – любовь.

За всё ей та тётка ответит.
Следы страха смоют дожди.
Твой мир будет добр и светел,
Ты верь в него, тёзка, и жди…

***

Сняты белые одежды.
Груз кольчуги не впервой.
Мать Россиюшка, надежда,
Как и правда за тобой.

Как бы нечисть не чернила
Грязью подлою войны,
В твою праведную силу
Верят славные сыны.

О себе не беспокоясь,
С этой верою в душе,
Служат Родине на совесть
На горячем рубеже.

Не истреплет ветер смрадный
Ни хоругвей, не знамён.
Их извечный подвиг ратный
Вне политик, вне времён.

Как незыблема и свята
Вековечной веры суть
В слове русского солдата:
С нами Бог! За нами – Русь!

ПИСЬМО

Мама, не тревожься и не плач,
Сердце ты своё побереги.
Как найду решенья всех задач,
Сразу сына жди на пироги.

Я вернусь с Победою домой,
Радость встречи ждёт нас впереди!
Мы с тобой закатим пир горой.
Только ты, родная, верь и жди.

Здесь со мной на важном рубеже
Смелые, надёжные друзья
С праведною верою в душе,
Без которой нам никак нельзя.

За неё когда-то встал мой дед
И геройски голову сложил.
Разве я предам его завет –
Родину беречь от тёмных сил.

Снова их, как в поле воронья.
Но часы их, мама, сочтены.
Хватит нам и силы огня
Отстоять честь предков и страны.

За неё идёт священный бой.
Очищенью в помощь выпал снег…
Крестик на груди всегда со мной –
К Богу проводник и оберег.

Милая, всё будет хорошо!
Будешь нянчить ты ещё внучат.
Чтобы сын мой в светлый мир вошёл,
Надо одолеть сначала ад.

Пусть в испуге стонет дурачьё,
Но их вопли жалки и смешны.
Кто подставит Родине плечо,
Мама, если не её сыны?

ТАТЬЯНА ЕЛИСЕЕВА
(Г. АРЗАМАС, НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

ПИСЬМО СОЛДАТУ

Привет, братишка! Как твои дела?
Студент вчера, теперь российский воин.
Как ночь твоя солдатская прошла?
Надеюсь, удалось поспать спокойно.
Ты говорил, что скоро ждут бои,
Бои жестокие и жёсткие, как видно.
В молитве помощь Бога призови,
Просить защиты Божьей не постыдно.
Мать молится и плачет по ночам,
И ходит в церковь, зажигает свечи.
Но на неё ты сильно не серчай,
Она ведь так хранит тебя от смерти.
Вчера собрали вещи для солдат,
Всё как положено – тушёнку и консервы,
Да сигарет, наверно, нарасхват,
Не надо вроде, да закуришь. Нервы…
Опять картон крутили для свечей,
Для самодельных – жестяных блиндажных,
Чтоб в холода вам стало чуть теплей,
Еду погреть – и то немаловажно.
Да бабка Катя принесла носки
Из настоящей самой лучшей шерсти,
Вязала вечерами от тоски,
Носки что надо – тёплые! Проверьте.
Держись, братишка! Ждём тебя домой.
Нелёгок путь солдата до победы.
Вернёшься победителем весной,
Как в сорок пятом прадеды и деды.
Откроешь скромно ты родную дверь,
И не студент уже – отважный воин.
Вернёшься сильным, истинным героем!
Об этом непрестанно помни! Верь!

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ
(ЛУГАНСК)

ИХТИС

Когда настанет эра Рыб,
Мы выйдем из воды на сушу,
И ты мою увидишь душу
В свечении ночных планид.
И нам покажется на миг,
Что жизнь нам прошлая приснилась.
Вглядись: над нами космос-клирос,
И песнь звучит.
И мы надеемся, что мир
Не попадёт Ему в немилость.
И как мерило всех мерил
Над нами проплывает Ихтис!
2021

ТУМАН

Мы ехали зимою сквозь туман.
И все, что попадало в поле взора,
Являлось белым. Иней покрывал
Деревья, фонари. Дорога
Виднелась чуть и радио шипело.
И белый шум сливался с шумом крови
В моих висках.
Как будто кто-то светлый наверху
Решил поставить на перезагрузку
Весь этот мир.
И вместе с ним меня.
И в этот миг
Мне вспомнилась война.
И резкий стук земли
О крышку гроба,
Разбитый дом,

Звук артналета,
А после наступила тишина…
Порхающие радужки стрекоз.
Улыбка мамина и первый крик ребёнка,
Ещё глаза твои, когда в них я,
Одетая как Ева, отражаюсь.
Не выцветшая фотопленка
Памяти, а снова пережитые мгновенья.
Мы вынырнули из тумана.
Мир обретал звучание и краски.
2020

ЗВЕЗДА РОЖДЕСТВА

Лишь белые снега
Да долгая дорога…
И вся-то недолга.
Присяду у порога.
Как манит свет звезды!
Пойду за ней вдогонку
И лёгкая позёмка
Сотрёт мои следы…
Мы были или нет?
Зачем мы в этой теме?
И снег и белый свет
Звезды над Вифлеемом –
Всё это только сон
Снежинки на ресницах.
Проснись, моя любовь.
Жизнь будет вечно длиться.
2021

РОЖДЕСТВО

Мир пахнет молоком парным.
Но будет ладан. Будет мирро.
– Что будет с ним? Что будет с ним?
– Твоё дитя – Спаситель мира.
Она сказала: «Не отдам»,
Но знала: помешать не в силах.
Свою судьбу он выбрал сам.
Её дитя – Спаситель мира.

И материнская слеза,
Как семя веры и смиренья,
Коснулась детского лица,
Как первое благословенье.
2023

КРЕЩЕНИЕ

Крещенья ночь под вражеским огнём:
Сквозь тишину крещендо канонады.
Побудь со мной, прошу, побудь со мной.
Не уходи, не надо.
Вновь под ногами раздаётся хруст.
Хрустят кристаллы ампул промедола.
И пар из уст. И красный снег на вкус
Такой солёный.
Гляди же, Родина,
Возлюбленный твой сын,
Не в Иордане, в чистом русском поле
Крещается огнём, войной и болью.
И да пребудет с ним
Благоволение твоё.
2023

ДОНБАССКАЯ ПАСХА

А по посёлку Фрунзе лупят грады.
С донбасских сакур облетает цвет.
И баба Ната у разбитой хаты
Глядит на свет.
А лепестки, как ангельские перья,
Летят и кружатся под вражеским огнём
И дед Иван из своего бессмертья
Её прикрыл невидимым щитом.
А Благовест звучит сквозь канонаду
Христос воскресе… посреди войны…
Спасите, русские солдаты, бабу Нату!
Донбасской Пасхи
Верные сыны.
2022

СЕРГЕЙ АНКУДИНОВ

РАЗДЕЛЁННАЯ И НЕРАЗДЕЛЁННАЯ ЛЮБОВЬ. ПЬЕСА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Огромный торговый комплекс «Мега». В нём много посетителей. На сигнальных рамках

промтоварных бутиков стоят охранники. На входе в магазин детской одежды с названием «Глория джинс» стоит седой человек преклонного возраста. Мимо проходит сотрудница соседнего салона «Оптика Кронос» и, повернувшись к охраннику, очаровательно и мило ему улыбается. Охранник в ответ тоже восхитительно и кротко улыбнулся. Он очарован этой искренней и приятной улыбкой сотрудницы из «Оптики Кронос» и думает о том, что всё это вовсе неспроста. Позже он решает зайти в соседний салон и поговорить с этой симпатичной женщиной.

В салоне «Оптика Кронос»

Охранник: Добрый день!

Сотрудница заведения: Здравствуйте!

Охранник: Вы днём проходили мимо «Глории Джинс» посмотрели на меня и так мило и очаровательно улыбнулись, что меня осенило!

Сотрудница: И чем же Вас осенило?

Охранник: Тем, что будто мы с Вами в далёкой молодости были знакомы или знакомились.

Сотрудница: Это интересно!

Охранник: Да-да! У меня до сих пор перед глазами эта картина. Мурманский ж/д вокзал. Мы стоим с товарищем на перроне. Сейчас уж и не вспомню, кого мы тогда провожали. Но точно кого-то провожали. Мы тогда только что пришли с моря. Весёлые, романтичные, неунывающие и…слегка хмельные. Хмельные больше от свободы, от ощущения родной земли, на которую мы ступили после 4-х месячного трудного рейса на рыболовном судне «Туман».

Сотрудница: Вы ходили в море?

Охранник: Да, после службы в Кронштадте я поехал в Мурманск и устроился в известный по тем временам рыболовецкий флот с названием «Мурманрыбпром».

Сотрудница: Вы служили на флоте и после ещё плавали на рыболовецких судах?

Охранник (Улыбается): Да, мне довелось немного поработать в этой фирме.

Сотрудница: Почему немного?

Охранник: Потому, что мне зарубили визу из-за моей службы на флоте, где мне выпала честь служить на режимном, особо секретном корабле. А мне хотелось ходить на судах посещающих иностранные порты. То есть мечталось повидать заграницу, повидать мир. Но… этого не случилось.

Сотрудница: Жалеете?

Охранник: И да, и нет.

Сотрудница: А что же там… на перроне?

Охранник: Да, там, на перроне, у вагона, в который мы посадили своего друга, стояла милая-премилая проводница. Мы с ней разговорились, познакомились; она даже дала мне свой московский телефон и адрес. Так вот, когда Вы, проходя мимо «Глории джинс» так мило и очаровательно заулыбались, мне сразу вспомнилась она – эта красивая, синеокая проводница. И я грешным делом подумал: «А не Вы ли это были?» Я сравниваю тот далёкий образ московской девушки и ваш и нахожу в них некое сходство, несмотря на отдаленность этого события. Прошли годы и немалые годы.

(встрепенувшись)

Слушайте?! Уж не Вы ли, чёрт побери, это были? В жизни всякое бывает. Ведь в те времена студенты подрабатывали, устраиваясь на каникулах на поезда проводниками.

Сотрудница: Нет, не было в моей жизни такого. И что же Вы с ней так и не встретились больше?

Охранник: Нет – не встретился. Но вот что характерно: я до сих пор её помню. Помню этот милый осенённый взгляд, эти голубые, как небо, бездонные глаза, это прелестное нежное личико, эта притягательная женская русская стать, эти восхитительные движения молодой особы. И мы тогда с ней так непринужденно и романтично беседовали, будто уже знакомы были не один день. И потом, когда поезд тронулся мне, вдруг стало очень грустно. Мне показалось, что от меня ускользнуло что-то очень судьбоносное и важное.

Сотрудница: Не надо думать о прошлом, как о поражении.

Охранник: Согласен с Вами. Кстати как Вас зовут?

Сотрудница: Екатерина Николаевна

Охранник: Очень приятно. Константин.

Сотрудница: И мне приятно с Вами познакомиться. И, пожалуйста, у меня много работы…

Охранник: Намёк понял. Мне и самому надо идти на службу. Надеюсь это наш не последний разговор.

Екатерина: Заглядывайте к нам.

Охранник: Черт возьми! Ведь мне надо поменять очки. Я в своих очках ничего не вижу. Я в них не могу уже ни писать, ни читать.

Екатерина Николаевна: Вот Вам и повод зайти к нам в салон. Заходите, проверим ваше зрение и подберём вам соответствующие очки. У нас хороший выбор.

Константин: Спасибо. До свидания. Рад был с Вами познакомиться.

Явление 2-е

Салон «Оптика Кронос». Из служебного помещения, где специалисты проводят обследование глаз клиента, выходит коллега и подруга Екатерины Николаевны, Анастасия Павловна.

Анастасия Павловна: Что за мужчина такой? Я слышала, как ты с ним общалась.

Екатерина: Хочет заказать у нас очки. Жалуется на зрение. Он работает в соседнем от нас салоне «Глория джинс».

Анастасия: Катюш, мужчинка, кажется, что надо?! Ты не находишь?

Екатерина (смущенно улыбаясь): Да-а уж! Так себе. Конечно, он не Ален де Лон…

Анастасия: Но ведь и ты не Софи Лорен

Екатерина: Насть, честно скажу, он мне чем-то импонирует. Я когда его первый раз увидела, у меня внутри что-то ёкнуло. Ёкнуло само-собой. И теперь, когда я прохожу мимо Глории, то невольно заглядываю в салон, пытаясь увидеть этого мужчину. Он, конечно, в почтенном возрасте, но в нём явно что-то есть. И явно, что он не по годам довольно энергичен. И говор и походка, и движения у него, можно сказать, молодого мужчины.

Анастасия: Такое бывает. Значит, следит за собой. Занимается спортом, ведёт трезвый образ жизни…

Екатерина: Насчёт трезвого образа жизни не знаю. Скорей всего, что выпить любит. Такое у меня сложилось впечатление, глядя на него.

Анастасия: Может, пьёт да в меру.

Екатерина: Хотелось бы в это верить, и чтоб так на самом деле и было.

Анастасия: Насколько я знаю, ведь с первым своим муженьком ты настрадалась именно по этой причине.

Екатерина: Ой, Настенька, лучше и не вспоминать…

Анастасия: А ведь какой допропорядочный и красивый был?!

Екатерина Был да весь вышел.

Анастасия: Так, а живой ли хоть он?

Екатерина: Да живой! Уехал в Линду к матери – там с ней и живёт. Уж не знаю, как он там и на что существует – мне совершенно не интересно. Говорят так и попивает. Сколько русских мужиков из-за этой проклятой водки пропадает – просто ужас какой-то.

Анастасия: Горбатого могила исправит.

Екатерина: Честно говоря, не хочу его и вспоминать. Столько лет убила на него и всё зря.

Анастасия: Ну, уж, Катенька, ты так не говори. Чай молодые-то все равно в счастье да любви жили.

Екатерина Может, только что вот молодые-то вот и жили. Да только молодость-то быстро пролетела. Теперь у меня и забота и радость моя – мой сынок.

Анастасия Да ведь и сынку-то твоему… сколько?

Екатерина: На этой неделе 25 исполнится.

Анастасия: Вот! Жених уж он у тебя?!

Екатерина: Да, жених! Дай-то Бог, чтоб ему хорошенькая попалась. Не пьющая, не курящая, не гулящая. Да и не ленивая бы…

Анастасия: Ему такую и надо. Он вон у тебя какой красавец. И высокий, и статный и лицом пригож.

Екатерина: Всё как бы при нём, но замечаю, что слабохарактерный и мягкотелый. Чувствуется, что не хватает отцовского воспитания. Что и говорить поизбаловала я его.

Анастасия: Эх, молодёжь, молодёжь… Извечная проблема родителей и детей. Хочется подсказать им что-то, напутствие какое-то дать, да только они нас не слышат, и слушать не хотят. А мне иной раз так и хочется им сказать: ну послушайте вы нас, родителей?! Да и говорить-то нашим детям порой то ли стесняемся, то ли боимся. Совершенно странные отношения возникли между нашими детьми и нами, родителями. В итоге много трагичного и нелепого происходит с нашей молодёжью. Вспомни, когда мы, наше поколение, женилось, выходило замуж ни о чём другом, как о рождении детей и думать не думали. Ни о машинах, ни о курортах. Сейчас наоборот: сначала машины и курорты, а потом уж и дети. Да только часто бывает так, что дети-то вдруг да и не получаются. Надо рожать, а они (молодёжь) собой заняты. То есть идут против природы. А против природы, значит, против Бога. Вот как у нашей Жанночки. Не даёт Господь Бог ребёночка и всё тут. Мы уж и молимся за них… Ведь они потом, когда к ним придёт сознание, сами себя будут неимоверно казнить за то, что упустили время, что погнались за вещами не вечными, а преходящими, которые по большому счёту в общем-то ничего – совершенно ничего не значат.

Екатерина: Угадывается в нашей молодёжи некий фанатизм и инфантилизм. Взять ту же моду. Готовы хоть раздетыми ходить – лишь бы моду соблюсти. Конечно же, и мы модничали, но без особых перехлёстов; всё-таки думали

о здоровье в первую очередь, а не о моде. А сейчас готовы положить здоровье на алтарь моды. И кладут его на этот алтарь. И так же потом страдают. Мода, мода – будь она не ладна. Посмотришь кругом и видишь, что во многих семьях какие-нибудь да проблемы. То сын наркоман или пьяница, то дочь не по той дорожке пошла, то сами родители спились… Это девяностые годы нас всех изуродовали. Да-да и не только нас самих, но и нашу молодёжь. Мы-то ведь тоже другими стали. Нет той идиллии в наших взаимоотношениях, какие были в Советском Союзе. А про нынешние времена и говорить нечего.

Анастасия: Да, Катюш, ты права. Не умеет наша молодёжь жить. Теперь в моде гражданские браки. А это ведь тоже своего рода иллюзии, самообман, где нет искренности и той же серьёзности намерений брачных отношений. В итоге несметное количество разводов. И не только в гражданских браках, но и в официальных. Социологи объясняют это въевшимся в нашу молодёжь, упомянутым тобой, инфантилизмом. Это первопричина разводов молодых семей.

Екатерина: Нет в наших молодых людях должного жизненного опыта и интеллекта. А без них молодой человек не может правильно объяснить свои поступки, а в целом и самого себя. Отсюда неспособность создать семью, тем более совместно проживать. Не мне бы, конечно, об этом говорить, да вот приходится. О чём и как судить, если многие даже и жениться-то не хотят, мотивируя это тем, что им итак хорошо. Не понимают того, что когда их родителей не станет – они просто потеряются в этой жизни. А жениться или выйти замуж в силу сформировавшегося в них комплекса неполноценности – они уже не смогут.

Анастасия: Кать, согласна с тобой. Раз тебе дарована жизнь, значит, твой долг – подарить жизнь новому человеку. Или хотя бы попытаться. «Жить для себя» – эгоистическое самозамыкание.

Катюш, вот смотри, у нас зять очень хороший с виду человек. И не пьёт и не курит, и покладистый. Очень порядочный мужчина. Всё бы хорошо, но детей у них нет как нет. И мы с мужем очень печалимся по этому поводу. А вдруг да и вовсе у них детей не будет. Это ведь своего рода трагедия и для них и для нас. И я иной раз думаю, что зять наш Михаил – это не её, нашей Жанночки, судьба. Нет – не судьба. То есть, если у них и была любовь, то не настоящая; может быть детско-юношеская, так что ли? И мне всё думается, что и любовь Михаила где-то ходит-бродит и в определённый момент найдёт, повстречает его. Так и у Жанночки нашей. Кстати, слушай, расскажу, как один парень прямо на наших глазах влюбился в нашу доченьку. Нам как-то пришлось от Семёнова до Нижнего ехать на электричке. Мы сидим на местах, а у дверей сгрудилась компания молодых ребят. И вот один из них буквально впился взглядом в нашу красотульку. Просто глаз с неё не сводит. Абсолютно уверена, что этот парень влюбился в Жанну с первого взгляда. Она его обворожила. Жанночка и одета была в тот момент очень оригинально. Платьице в мелкий горошек. Туфельки красивые. Прическа. Она была в тот момент просто неотразима. А его взор: умильный, простой, искренний и… пытливый до безумия. Я это видела. И когда мы стояли на привокзальной площади, они проходили мимо нас, так он идёт медленно и всё смотрит, смотрит на нашу Жанночку. Друзья над ним подшучивают. И вот я с тех пор всё вспоминаю этот случай и думаю, что этот парень и есть настоящая судьба нашей доченьки. Да только что тут поделаешь? Прошла она мимо, да и всё тут.

Екатерина: Интересно ты, Настенька, рассказала. Действительно, может, это и есть её судьба.

Явление 3

В холле

Екатерина Николаевна и Константин идут на встречу друг другу. Здороваются. Екатерина Николаевна очаровательно улыбается. Улыбается и Константин.

Константин: Не перестаю удивляться вашей милой и удивительной улыбке. Ваша улыбка заразительна и приятна. Она Вам так идёт, и так она вам к лицу, что Вам надо чаще улыбаться.

Екатерина: Рада бы чаще и улыбаться и смеяться, да вот не приходится.

Константин: А что так?

Екатерина: Да жизнь поганая заела. Работа, работа, работа. Не отдохнуть как следует, не расслабиться…

Константин: Здесь надо проявлять волю и самого себя настраивать на позитив; стараться пребывать в настроении. Главное не унывать! Помните? Уныние – хула Богу.

Екатерина: Да-да. Есть такое изречение.

Константин: Пристально вглядываясь в Екатерину, смущенно проговаривает, называя её просто «Катей». Катюш, мне показалось, что мы симпатичны друг другу?

(Екатерина скромно отмалчивается, отводя взгляд в сторону…) Когда мы теперь увидимся?

Екатерина: Как будут готовы ваши очки, я Вам позвоню, вот тогда и увидимся.

Константин Хорошо! До скорой встречи.

Екатерина

До свидания.

Константин (В зал. Задумно и в то же время восторженно…) Чёрт возьми! Я, кажется, влюбился! Сам себе не верю! Но это так! Надо же! Не зря говорят: «Любви все возрасты покорны». И что же дальше? Ведь я женат?! И я никогда – никогда не брошу свою Глашу. Нет! Подонком на старости лет не хочу быть. Да ведь ничего ещё и непонятно. Не гони себя, парень, не гони… Не витийствуй.

Явление 4-е

В доме Екатерины

Екатерина в прекрасном настроении. Сын Евгений замечает восторженность матери.

Евгений: Мам, ты сегодня какая-то не такая. Просто не узнаю тебя.

Екатерина И какая же я не такая. Что сегодня ты увидел во мне такого особенного?

Евгений: Мам, ты просто светишься вся и песни поёшь. Видно, что ты в небывалом настроении.

Екатерина: Да, это так.

Евгений: И… причина этому исключительному событию?

Екатерина: Причина, может быть самая банальная. Я познакомилась с мужчиной.

Евгений Он тебе понравился?

Екатерина: Да, он мне очень импонирует. Он не красавец, но он мне понравился своей внутренней стороной. Он бывший северянин. А все северяне в душе романтики. Весёлые, неунывающие, подвижные. Мне показалось, что он из таких. Кстати, он и физически хорошо скроен.

Евгений: Может, хорошо скроен да слабо сшит?

Екатерина: Не похоже, Жень. Он очень подвижный, несмотря на свой возраст.

Евгений И сколько же ему?

Екатерина: Ему 60 лет.

Евгений: Мам, ну пусть он тебе и понравился. Ну, какой он жених в 60 лет? Ну, посуди сама?

Екатерина Мало ты чего в жизни понимаешь.

Евгений: Нет, мам, я не против твоих симпатий и твоей влюблённости. Ты должна хоть на старости лет обрести своё счастье. Я буду только рад, если у тебя с ним всё получится.

Екатерина: Спасибо за понимание, сын. (Поёт) Ах, любовь, ах любовь – золотая лестница,

Золотая лестница без перил.

Явление 5-е

В салоне «Оптика Кронос»

Константин: Катюш, спасибо за очки. Я в них всё прекрасно вижу, а главное, мне в них удобно читать. Даже мелкий шрифт читается комфортно.

Екатерина Вот и хорошо, что всё так удачно для Вас получилось.

Константин: Кать, это Вам от меня. Здесь небольшой презент.(Константин вручает Екатерине собственную книгу с названием «Непутёвые судьбы наши» и плитку шоколада «Вдохновение». Это моя книга почитайте её на досуге…)

Екатерина: Вы что? Пишите?

Константин: Да, немного. Это книга стихов. Но стихи я давно не пишу. Считаю себя скромным самобытным писателем. И ни в коем случае не поэтом. Да и само слово поэт мне не нравится. Оно ко мне никак не подходит. Оно слишком нежное, если можно так сказать, для моей натуры и моего характера. Я мужчина, мужик.

Екатерина (Смущенно) Сегодня как назло много посетителей. Мне надо идти на рабочее место.

(Константин берёт руку Екатерины и прикладывает её к своей щеке. Он неимоверно рад всему тому, что сейчас между ними происходит. Ему не хочется расставаться с Екатериной. Встреча просто восхитительная…)

Константин: Катюш, давайте обменяемся телефонами.

(Она от такого предложения в некоторой растерянности и задумчивости)

Я Вам позвоню.

Константин: Катюш, буду ждать вашего звонка.

Екатерина: До свидания. (Константин и Екатерина очень мило и восхитительно расстаются.)

Константин (С досадой на самого себя декламирует в зал): Чёрт! Я не сказал ей, что уезжаю в деревню и когда появлюсь в Нижнем – не знаю. Думаю, что не скоро. Буду ждать её звонка.

Явление 6-е

«Оптика Кронос»

Анастасия и Екатерина

Анастасия: Катюш, мы с тобой оказались в разных сменах, давно не виделись, давно не общались. Извини за нескромность: как у тебя дела с твоим суженым?

Екатерина: (С печалью в голосе и с очень скорбным видом.)Да никак…

Анастасия: Что случилось?

Екатерина: Когда мы с ним в последний раз расстались, я пообещала, что позвоню ему.

Анастасия: Ну и…

Екатерина: Ну и позвонила, только трубку взял не он, а какая-то женщина. Скорей всего, что его жена.

Анастасия: Печально…

Екатерина: Насть, ну что такое не везёт? Попадётся какой мужчинка и тот женатый. А я надеялась, что он холостой, потому как на руке отсутствовало обручальное кольцо.

Анастасия: Видимо, он просто его не носит.

Екатерина: Надо полагать, что так.

Анастасия: Что будешь делать?

Екатерина: Не знаю. Но у меня внутри всё как-то оборвалось и та вспыхнувшая во мне страсть, которую я испытывала к этому мужчине, как бы улетучилась. Он мне стал безразличен. И в то же время я его никак не могу забыть и вычеркнуть из своей жизни. Он постоянно приходит мне на ум, и я мысленно строю наши несбывшиеся отношения. Воображаю, как бы мы с ним жили, как бы устраивали нашу жизнь. Ты не представляешь, как мне хочется семейного тепла и уюта. Я так истосковалась по мужской ласке, по общению с сильным полом, что не передать.

Анастасия: Но ведь ты не на сто процентов уверена, что он женат?

Екатерина: Если не на сто, то на 99 точно. По всему видно, что он женатый. Он хорошо, со вкусом одевается. Холостые мужчины все равно не такие. В них всегда приметишь некую неряшливость. Но самая верная примета, того что он женатый, на мой взгляд, так это та, что он ни разу не предложил меня встретить после работы и проводить меня домой. Значит, сам спешит в семью.

Нет, он предлагал мне посетить кафе, съездить в Болдино… но это всё ни то. Нет, ни то. Он приходит ко мне сюда, в салон на работу, но разве здесь пообщаешься? Мне его надо забыть.

ДЕЙСТВИЕ 2-Е

Явление 1-е.

Константин звонит Екатерине в салон. Сама Екатерина так и не позвонила северянину. Он в смущении; тщетно пытается понять, почему молчит Екатерина.

Константин: Будьте добры, позовите Екатерину Николаевну.

Екатерина: Да, слушаю.

Константин: Катюш, не узнал Вас по голосу. Катюш, как дела, как настроение?

(Екатерина отключает телефон. Константин в полном недоумении и в полной задумчивости и растерянности.)

Константин: (говорит в зал скорбным и упавшим голосом) Что случилось? Прошло три недели и она мне почему-то не позвонила. Почему?

Может, она звонила и трубку взяла Глаша; ведь я часто, когда ухожу прогуляться, оставляю телефон дома. Скорей всего, что так и было. Зря, зря я сам долго не звонил ей. Хотел испытать наши возникшие между нами чувства. И вот испытал?! Она от меня отвернулась. Надо срочно ехать в Нижний и выяснить, что случилось. Куплю цветы и её любимый шоколад с орешками.

Моряк, покрепче вяжи узлы,
Беда идёт по пятам.
Сегодня море и ветер злы
И зол, как чёрт, капитан…

Явление 2-е

В деревенском доме. Константин у своего друга детства Андрея. Сидят за столом за бутылочкой коньяка. Рассуждают.

Константин: Как тебе в своих родных стенах поживается?

Андрей: Всё хорошо, да вот тоска по родителям нет-нет да и проберёт под вечер. Ляжешь на кровать и вспоминаешь всё былое да сокровенное.

Константин: И у меня такое бывает. Мы ведь с тобой наших-то мам рано лишились. Почитай сиротами выросли. С 15 лет кусок хлеба сами стали зарабатывать. А помнишь, как мы увлеклись чтением книг про север. И у нас появилась мечта уехать куда-нибудь в заполярье. И ведь что характерно и ты и я на этих северах так-таки и оказались. Я на Ямале – ты в Ханты-Мансийском автономном округе. По тридцать лет отбабахали на вечной мерзлоте. И оба в нефтянке.

Андрей: Я чуть раньше тебя уехал.

Константин: А я следом за тобой. Многое повидалось и запечатлелось. И многое пришлось испытать и освоить. Кстати: ты так и холостякуешь? Женушку-то свою ты тоже рано схоронил, царство ей небесное.

Андрей: Да, рано… И сколько их у меня после моей ненаглядной было, да всё не судьба.

Константин: Я слышал, что ты нашёл себе новую пассию? И говорят, что она хороша собой. Это так?

Андрей: Да, это так. Мы познакомились с ней совершенно случайно, в детском садике, куда я вожу своего внучонка. И сразу хочу тебя предупредить, чтоб ты здесь, в деревне, не распространялся по этому поводу. Мне не хочется, чтоб об этом здесь знали.

Константин: Да ведь если кто об этом и узнает, то каков тут криминал? Во-вторых, я и не собираюсь кому-то что-то говорить. Зачем мне это.

Андрей: Ты ведь знаешь деревню. Здесь всё истолкуют по-своему. На пустом месте такового наплетут – не перелезешь.

Константин: Слушай я рад за тебя, что у тебя такое случилось. А то всё один да один. Дай бог, чтоб на этот раз у тебя всё вышло серьёзно. Чтоб вы соединились и жили счастливо и хорошо.

Андрей: Есть проблемка.

Константин: Какая?

Андрей Она любит выпить. Любит кампании и застолья, любит кураж. А мне на старости лет, сам

понимаешь, это совершенно ни к чему. Тем паче, что я этим делом грешен. Поэтому мне нужен тот человек, чтоб меня в нужный момент ограждал от пития. А тут получается наоборот:

я её останавливаю в этой непотребности.

Константин6 Я думаю, что она, поняв всю серьёзность ваших житейских намерений, сделает выводы.

На кону остаток нашей жизни и его надо прожить достойно.

Андрей: Трудно не согласиться с твоими доводами.

Константин: Андрюш, признаюсь тебе в том, что и на мне лежит грех влюблённости в очень красивую и обаятельную женщину. И моя любовь к ней оказалась безответной.

Андрей: Это как понимать?

Константин: А так, что она порвала со мной все контакты и не хочет со мной разговаривать. Хотя до этого у нас с ней было полное взаимопонимание. Наши взаимоотношения оборвались резко и загадочно.

Андрей: Ты мне ничего об этом не говорил.

Константин: Боялся сглазить.

Андрей: Так найди другую…

Константин: Что значит «найди другую»? Ведь она «другая» на дороге не валяется. Да и никаких других мне и даром не надо. У меня есть Глаша и я никогда и ни за что её не брошу, пусть она(любовь) будет самой необыкновенной и высокой. Андрюш, ты понимаешь? Мне и этой любви, как бы не надо. Я о ней и не помышлял. Она свалилась на меня буквально как снег на голову. Упала с Неба.

Любовь – это прекрасно! Это очень разноликое чувство. Это страсть, это трепет, который ты ощущаешь внутри себя. Он сравним с Мечтой, с Надеждой, с Будущим. Это здорово!

Андрей: Я тебя таким эмоциональным и красноречивым ещё не видел.

Константин: Теперь зри, каков я есть.

Андрей: Ну, и дела?! (В порыве чувств декламирует стихи)

Не первую в тайге бичую зиму я,
Когда из всех живых лишь я да речка.
Про чёрный день пора найти любимую,
Про чёрный день родного человечка.

Константин: Андрюш, это ведь про тебя. Ты не находишь?

Андрей: Да эти строки мне очень импонируют и подходят. Я хочу,

чтоб Ирина стала моим родным человечком. Я действительно один очень настрадался.

Константин: Дай-то Бог!

(Переменив тему) Да, Андрюш, побичевали мы с тобой, посеверяни-ли. И вот возвратились на родную землю. Седые, состарившиеся, но не унывающие. И это главное.

Андрей: Мы не привыкли унывать. Север нас закалил. Мы научились в отличии от тех, кто жил дома, на родительских харчах, бороться за место под солнцем. Нам было трудно на первых порах, но мы выжили. Мы выживали в суматохе небывалого северного романтизма и строительства. Мы еле успевали за этими сумасшедшими темпами, но не отстали, а так и шли нога в ногу со временем. И это нас с тобой несказанно возвышает и красит. Мы положили свои труды на севере на благо нашей Родины, давая ей чёрное золото, за счёт которого она всё это время выживала и двигалась.

Константин: Я тоже никогда не слышал от тебя таких возвышенных и красивых слов.

Андрей: Настало время их сказать. Или сейчас – или никогда. Самое главное, что в наших словах нет ни слова лжи и лицемерия.

Константин: Именно этому я и рад. Ложь самое гнусное, из всего что есть.

Андрей: Помнишь, у Михаила Шелехова. «Пора в глаза рубить открытым текстом,

Есть времена не выбирать слова.
Я ледоход, я грохот повсеместный,
Я первая, но гордая трава…»

Константин: Эти вдохновенные строки, как ни пафосно прозвучит, относятся к нам с тобой, как к первопроходцам великого Самотлора и великого Ямала! (Константин собирается уходить, Андрей напутствует друга)

Андрей: Советую со своей новоявленной любовью наладить отношения.

Константин: На днях еду в Нижний, обязательно заеду к ней, чтоб выяснить в чём дело, что случилось? Я даже согласен на то, чтоб остаться с ней в дружеских отношениях и изредка её видеть. Она очень обаятельна. (Северяне расходятся!)

Явление 3-е

Салон «Оптики Кронос». Константин с букетом хризантем заходит в салон.

Константин: Здравствуйте! А Екатерину Николаевну можно? Мед. работник салона отвечает:

А она сегодня не работает. Её смена завтра.

Константин: Вот невезуха. А как же быть? Я ей хотел подарить цветы, извиниться за долгое своё молчание и отсутствие. И вот на тебе…

Мед. работник (Удивлённая и улыбающаяся.): А давайте сделаем так. Мы сейчас Вас сфотографируем с этим прекрасным букетом и снимок перешлём ей на телефон; ей будет очень приятно.

Константин Что ж: давайте так и сделаем. (Константин позирует с букетом цветов. Мед работник его снимает на телефон.)

Мед работник: Ну, вот и всё! А цветы можете оставить у нас, мы их завтра передадим Екатерине Николаевне.

Константин: Будьте добры. Спасибо Вам огромное. До свидания.

Мед. работник: До свидания. Не волнуйтесь, всё будет сделано.

(Константин декламирует в зал расстроенный и грустный…) Что-то пошло не так. Почему Екатерина сделалась совершенно другой. Её как подменили.

Может, обиделась, что я долго ей не звонил. Или просто разочаровалась во мне как в мужчине.

Нравился да разонравился – так что ли? Меня всё это очень огорчает.

Грустно, покачивая голой, декламирует: Э-эх, Катя, Катерина

Что с тобой теперь?

Белая палата, крашеная дверь…

Явление 4-е

Константин с женой Глафирой у себя дома.

Кость, что случилось? Ты стал какой-то отвлеченный, задумчивый и невнимательный. Не узнаю тебя.

Константин: Да нет, Глаш, я всё такой же. Просто в этом году я чувствую себя немного хуже, чем в году ушедшем. Я от кого-то слышал, что после 60-ти человек начинает меняться и физически и духовно намного заметнее и резче. И даже не сам человек, а его здоровье. И это действительно так. На самом деле, как только мне стукнуло 60-т, в следующем году я обратил внимание, что стал немного другим.

Глаша: Каким же?

Константин: Я стал более скованным и вялым. Из меня исчезла та шустрость, которая во мне всегда присутствовала. Ты это во мне не замечаешь, Глаш?

Глаша: Нет, Кость, ты для меня какой был такой и есть.

Константин: Северяночка ты моя, ненаглядная. (Гладит супругу по волосам и нежно целует в щёчку): Ты ещё любишь меня?

Глаша: Люблю.

Константин: Любишь той прежней страстной любовью, какая в нас была, когда мы с тобой на севере поженились?

Глаша: Да, Костенька, да. (Глаша вожделенно смотрит на Константина и ждёт ответного признания в любви. Константин отстраняется от супруги и смотрит задумчиво и грустно в окно…)

Кстати, Кость, как-то по один день, когда тебя не было дома, зазвонил твой телефон, я взяла трубку и тебя спросила какая-то женщина. Я сказала, что тебя нет дома. Она ничего не ответила и беспардонно прервала разговор.

Константин: Не могу себе и представить кто бы это мог мне позвонить из представителей женского пола. Может директор Глории.

Глаша: А что ей от тебя понадобилось?

Константин: Мой коллега частенько на работу приходит под хмельком, да ещё и на работе умудряется добавить. Так не потребовалось ли его срочно заменить ввиду его несостоятельности.

Глаша: Смотри, Кость, тебе видней.

Константин (раздумывая): Глаша, милая моя Глаша. Действительно, когда мы были молодыми, мы искренне и страстно любили друг друга. Да, страстно, романтично… Конечно же, я Глашу и сейчас люблю и, повторяюсь, никогда, никогда её не брошу какой бы ни была та новоявленная, нежданно свалившаяся на меня любовь. Я ошарашен?! К чему мне всё это на склоне лет? Молю Бога, чтоб это было просто мимолётное увлечение, так, совершенно незначительная влюблённость, которая со временем пройдет и забудется. И всё же, как здорово, что ты влюблён и любишь. Как приятно всё это осознавать и носить в сердце это несказанное чувство. Эту невероятную тягу к полюбившемуся тебе человеку.

Явление 5-е

Салон «Оптики Кронос»

Екатерина и Анастасия за рабочим столом.

Анастасия: Кать, извини за нескромность, приходил к тебе твой ненаглядный? Я так переживаю за тебя.

Екатерина: Так уж и ненаглядный?! Больше, мне кажется, непутёвый. (Смеётся)

Анастасия: К нему это слово не подходит.

Екатерина По названию книги…

Анастасия: Катюш, ты говоришь какими-то загадками. Какой книги? Какое название?

Екатерина: А разве я тебе не говорила, что в самом начале нашего знакомства он подарил мне плитку моего любимого шоколада

«Вдохновение» и книгу стихов с символичным названием «Непутёвые судьбы наши».

Анастасия: Он что? Пишет?

Екатерина: По всей вероятности – да!

Анастасия (Восторженно): Кать, ты их прочитала?

Екатерина:

Кое-какие прочитала.

Анастасия: Ну, и как они тебе?

Екатерина: В общем-то ничего. Не скажешь что плохие, но и не скажешь что очень хорошие.

Анастасия: Всё-таки хорошие?

Екатерина: Да, больше хорошие, чем посредственные или конъюнктурные. Кстати, в этой книге редактором газеты «Северная вахта» написана статья. Я её прочитала и узнала, что у него двое детей – дочь и сын. Жена Глафира. Есть и посвящение этой Глафире. Я его (посвящение) прочитала, и мне снова сделалось не по себе; я снова воспылала мнимой ревностью и даже злостью. Ну, почему всё кому-то и ничего – совершенно ничего мне. Ни капельки счастья и житейской человеческой радости?

Одна грусть-печаль. Одна какая-то призрачность и химера; нескончаемая мысль о том, что вот завтра у меня всё изменится, завтра наступит какая-то раскрепощённость; я с облегчением вздохну и чему-то несказанно порадуюсь. Но день за днём, неделя за неделей уходят, а радости и счастья как не было, так и нет. Мне врезались в память строки одного из его стихотворений.

…Только стоп?!
Не пойму, ребята.
Явь ли это? А может, снится?
И бегу я за птичьей стаей,
Как за счастьем за синей птицей.

Вот и я бегу, бегу, а зачем бегу или кого догнать хочу и сама не знаю.

Анастасия: А видно, что он какой-то ни такой. (Смеётся). Взгляд острый, проницательный, с хитринкой. И видно, что он держится очень уверенно.

Екатерина: Я бы не сказала. Напротив, создаёт впечатление несколько замкнутого, закрепощенного человека. То есть видно, что он не говорун.

Анастасия: А я болтунов и не люблю. Нет, нет, не уважаю тех мужчин, у кого рот не закрывается. Бу-бу –бу, Бу-бу-бу, как женщина, прости господи. Мужик должен больше думать, созерцать, помышлять и… делать. Он, по всей вероятности, таков и есть.

Екатерина:Да, он действительно приятен сам по себе. Кажется, даже не курит. И видно, что он жизнью закаленный. Я бы не сказала, что он какой-то интеллектуал, но мне понравилось, как он рассуждает о театре.

Говорит, что современные постановки слишком опосредованы и даже банальны. То есть, нет глубокой продуманности создания (особенно) постановок спектаклей художественными руководителями и режиссерами наших классиков 19-го века. Он это объясняет отсутствием должного таланта у художественных руководителей, без которого невозможна высокая драматургия и отсутствие того же художественного воображения. Режиссерское вольнодумство, выливающееся в то, что в ткань классического спектакля включают современные тексты и тому подобные драматически сюрпризы. Для него это совершенно неприемлемые вещи.

Да и декорации в некоторых спектаклях оставляют желать лучшего. Особенно он раскритиковал железные бочки в пьесе М. Горького «На дне», отождествляющие собой нижегородские ночлежки, в которых обитал люмпен-пролетариат. И действительно они выглядят на сцене совершенно убого и загадочно. Артисты по ним ползают неуклюже… Это громыхание железа…

Просто чудовищная картина. Ну что за ночлежки?

Анастасия: А я в театр не хожу.

Екатерина: Я театр люблю. Я в нём отдыхаю. Для меня театр особое умиротворённое место, в котором ты действительно преображаешься и даже, я бы сказала, несколько возвышаешься сама над собой.

Завораживающе, с замиранием сердца вслушиваешься в эти волнительные диалоги и реплики,

В эти сценические споры и увещевания. Нет, Настенька, я бы тебе советовала посещать театр.

Хуже не будет.

Анастасия: Но и лучше от того, что я схожу в театр, мне тоже не станет.

Екатерина: Как сказать.

…Екатерина и Анастасия расходятся по рабочим местам.

Явление 6-е

Константин (Задумчивый и печальный ходит по сцене, рассуждая): Ну, что она за человек? То она такая, то другая. Как к ней подступиться не знаю.

Даже не знаю, как с ней хотя бы одни раз по-настоящему поговорить. Но она не хочет со мной разговаривать, не хочет меня выслушать. Хоть бери да пиши ей письмо.

А что? Только так я и могу с ней объясниться, высказать всё то, о чём я думаю. Да, в принципе, я его уже написал. Завтра поеду к ней на работу и вручу ей своё гневное послание. Да-да гневное.

Пусть она не думает, что я какой-нибудь ягнёнок и буду за ней бегать и вымаливать прощения.

Нет, Екатерина Николаевна,– мы не такие. Унижаться перед кем бы то ни было – не приучены.

(Константин достаёт из кармана брюк письмо. Читает его с гордо поднятой головой):

Здравствуйте!

Не торопитесь порвать это письмо или выкинуть его в корзину. Дочитайте его до конца.

Вчера (в пятницу вечером) я приехал в Нижний. Всё это время, как мы расстались, я вновь жаждал нашей встречи и каждый день только об этом и думал. И о нашей встрече и, конечно же,

Катя, о Вас! Да-да, Вы не поверите, но я просыпаюсь и засыпаю с Вашим милым образом.

Сегодня я ошарашен был таким непонятным ко мне отношением. Тщетно пытаюсь понять, что же произошло? Что Вас так сильно смутило не разговаривать со мной по телефону, а потом и вовсе со мной не говорить, когда я приехал к Вам на работу. Такое ваше поведение меня просто повергло в шок. Почему? Потому что я ехал в Нижний с совершенно светлыми и радужными мыслями, думая о встрече с Вами. И тут такое?! Я не ожидал от Вас подобного «сюрприза». Может, Вы обиделись на то, что я обещал Вам позвонить на служебный телефон и не позвонил. И долго не звонил. Так я при всём желании не мог Вам чисто физически этого сделать. И Вы, не зная причин, почему я не звонил, решили: на хрен мне такой жених нужен. «Спасибо»…

Да, у нас возникла неуклюжая и какая-то обидная проблема с общением. Мне как-то неудобно звонить Вам на служебный телефон, сами понимаете почему. У Вас есть мой телефон, но Вы тоже, то ли стесняетесь, то ли Ваша гордыня не дает Вам позвонить мне – не знаю – не буду гадать.

А я все время думал о том, что вот мы наконец-то где-то в выходной день встретимся, пойдем в кафе, в театр, поедем в Болдино… И это вовсе не пустые слова. Так опять же договориться не можем, потому что у меня нет Вашего телефона. А мы могли бы свободно говорить и договариваться о наших встречах. Кстати, в одну из наших встреч (помните?) Вы обещали мне позвонить со своего телефона и… не позвонили?! А я ждал! Ох, как я ждал этого звонка, но так и не дождался. Опять же кстати,(прошу прощения за тавтологию) мы тогда хоть и немного, но так мило и здорово поговорили. А как расстались?! Романтично, страстно. Я долго от такого чувственного расставания пребывал в восторге. Это было здорово!

И вот здесь мне хочется сказать о самом главном. Хотя сомневаюсь, надо ли об этом вообще говорить. (Не рано ли?) Наверное, нет, не рано, потому что сегодня Вы явно дали мне понять, что нашим нежданно-негаданно возникшим отношениям пришел конец. А жаль! Почему жаль?

Потому что между нами возникли чувства. Во всяком случае, у меня к Вам – точно! Чёрт возьми!

Я сам себе удивляюсь, что со мной это вдруг произошло. Я буквально шалею от этого. Жил себе спокойно и жил, а тут на тебе! И я теперь сам себе говорю: «Да, любовь никто не отменял». И убедился, что это прекрасное чувство может прийти в любом возрасте. Меня вдруг всего всколыхнуло и вскинуло. Пытался себя укротить. Мол, зачем это всё. Может, Катя замужем и у неё есть полноценная семья. Но тогда куда деть эти вдруг вспыхнувшие чувства, а чувства, значит, любовь. И эти чувства – простые, чистые и искренние – вот в чём парадокс. Вот в чем моя проблема. Вот поэтому мне и странно было смотреть на Вас такую, какая Вы сегодня были: грубая, безответная, безжалостная. Хотя, глядя на Ваш милый образ, такого не скажешь. Язык не поворачивается такое сказать. Можно бы немного и по-другому. Я в конце концов не деревяшка какая-нибудь, а человек. То есть получается (с Вашей стороны): поулыбались немного, пофлиртовали, убедились в себе, что я Вам ни по каким параметрам не подхожу можно, мол, этому человеку сказать и «до свидания». И Вы мне сегодня это таким образом сказали. Ну, да что теперь об этом говорить. Сам виноват…

Конечно, для меня загадкой остаётся, что Вы обо мне думаете? Да и думаете ли вообще?

Мне многое хотелось Вам рассказать, сказать. Я так и представлял себе, что мы тесно будем общаться, у нас появятся общие интересы. Будем вместе путешествовать… Что ж, буду успокаивать себя и твердить единственное: «Насильно мил не будешь». Константин.

P. S. Катюш, я вписываю здесь адрес своей электронной почты и телефон. Напишите мне хоть пару предложений. Буду ждать. С любовью, Константин.

(В расстроенных чувствах уходит за кулисы.)

Явление 7-е

Квартира Екатерины

Екатерина уставшая входит в квартиру

Евгений: Мам, это ты?

Екатерина: Я, сынок, я.

Евгений выходит навстречу матери: Мам, ты почему такая грустная, будто сама не в себе.

Екатерина (Садясь на табурет за столом): Очень устала, Жень, да и настроение паскудное.

Евгений: Мам, ты чем-то расстроена?

Екатерина: Да, сынок, расстроена и очень.

Евгений: И чем же?

Екатерина: Тем, что понравившийся мне мужчина женат.

Евгений: Ну, это вовсе не повод, чтоб так себя убивать. Да и «женат»?! Ну и что, что женат? В чём проблема-то?

Екатерина: А в том, что я не хочу иметь дело с женатым человеком. Я не хочу стать разлучницей и разрушителем семейного очага. Жень, ведь если я сойдусь с этим мужчиной, я возьму на себя грех. Нет-нет я так не могу. На чужом несчастье счастья не построишь.

Евгений: Мам, но ведь ты о нём ничего – совершенно ничего не знаешь. Ты знакома-то с ним всего ничего. Может, они разведены давно, но, допустим, живут вместе в одной квартире. И такое бывает.

В жизни всякое случается. Значит, их отношения зашли в тупик. Что-то пошло не так. Семейные отношения исчерпались и истончились. Они истончились до такой степени, что стали невыносимыми. Что только развод может решить их семейный разлад, который проник в их семейный очаг и ветер перемен этот очаг, этот некогда ярко горевший костёр, безжалостно и неумолимо задул, набежав стремительно и неумолимо с заколосившихся духмяных полей.

Екатерина: Ты рассуждаешь, как опытный взрослый мужчина, причём, как-то литературно.

Евгений: Ты ведь знаешь, что я много читаю. И любовь к книгам привила мне именно ты.

И это здорово! Как хорошо, что я полюбил книги, полюбил чтение. Мои друзья и приятели совсем ничего не читают, и я вижу, что они отстали от жизни. Они совершенно не образованы и не начитаны. Спроси их, что, к примеру, написал Александр Николаевич Островский и ни один из них не ответит. А уж то, что был еще и Николай Алексеевич Островский, написавший свой знаменитый роман «Как закалялась сталь» вообще не в зуб ногой…

Екатерина: Жень, может, тебе надо было б поступить на факультет журналистики или филологический факультет, а ты выбрал технический вуз.

Евгений: Нет, мам, я свой выбор сделал вполне осознанно. Я хочу стать инженером. Я представляю себя в цехе, где всё гремит, шумит, где трудятся бок о бок рабочие люди. Где есть стимул для созидания и развития. И именно созидания. Будущее за технарями. Время барыг скоро канет в Лету.

На мой взгляд, человек устремится в космос. И он устремиться в космос с совершенно иной концепцией и иным взглядом на наше мироздание. Познание космоса снова станет приоритетным и значимым. И я нутром чувствую, что нам надо переиначиваться, нам надо становиться другими. Нам надо повернуться лицом к Родине и думать о ней, а не о себе.

Помнишь: «Раньше думай о Родине, а потом о себе…» Барыга о Родине никогда не подумает; у него другая психология. Барыга сам для себя и сам в себе. И больше для него ничего не существует. И он никогда не пойдет защищать свою Родину. Нашу жизнь надо делать насыщенной и справедливой. Вот смотри, ты, мам, работаешь по двенадцать часов в сутки и тебе никто ни копейки не доплачивает за переработанные часы. Ты приходишь домой в 12-м часу ночи, уставшая и выжатая своей работой, словно лимон. Меня удивляет, кто придумал эти изуверские графики. Бизнес… я его называю скотско-криминальным, действительно нещадно эксплуатирует человека, лишь бы получить прибыль. Так не должно быть.

Екатерина: Но так оно есть и от этого никуда не деться.

Евгений: Надо возмущаться против бесчеловечного произвола. Не молчать, а говорить, ставить эти проблемы на вид. Да-да говорить, что это не справедливо, что это противозаконно. Мысли моль работать по 14 часов в сутки? Вера Прошина, моя одноклассница, работает кассиром в продовольственном магазине. Два дня через два. У неё именно такой график. Вот и представь когда она приходит с работы домой? И когда ей заниматься своими детьми? То есть вывод такой, мам, что нас власти сделали совершенно бесправными существами. Ты права: в общем-то никому на этот произвол и не пожалуешься.

Екатерина: Революционер ты мой единственный. Моя ты радость! Давай, сынок, будем ужинать.

Евгений: Кстати, мам я всё больше и больше начинаю думать о нашем отце. Мне его становится очень жаль. Я как подумаю, что он одинокий, всеми забытый, заброшенный, никому не нужный.

Просто тоска какая-то охватывает. Да и грешно ведь бросать близкого человека… да и не близкого в беде не подобает порядочному человеку оставлять. Мам, надо быть добрей, человечней, снисходительней. Согласись, что мы подзабыли эти добродетели?

Екатерина: Кто ж виноват в том, что он не захотел жить достойно, по-человечески. И я его не прогоняла, я ему не указывала на дверь. Он взял и сам ушёл. И это его вполне осознанный выбор.

Евгений: Он, наверное, понял, что ты его не любишь.

Екатерина: Да, это правда – я его никогда не любила. И уж, естественно, никогда не полюблю. Но он в меня был искренне влюблён. Он любил меня своей мужской благородной любовью. И когда он понял, что между нами нет взаимной любви – это его сильно потрясло и, в конечном счёте, сломало. Он хотел любить и быть любимым, но этого не случилось. В этом есть и моя вина. Я поторопилась с замужеством. Меня тогда молодую, беспечную охватила зависть. Все мои подруги, одноклассницы, однокурсницы по медицинскому училищу выходят одна за одной замуж.

Только я, как белая ворона, вроде б как никому не нужная. И тут подворачивается он – красивый, импозантный, толковый. Мы познакомились

с ним на танцах в парке «Швейцария», куда любили летними вечерами с подругами ходить. Он жил на ул. Бекетова в общаге и работал на стройке монтажником. У него нет высшего образования. Он не интеллектуал. Уж позже, когда мы поженились, и у нас родился Женечка ты, я поняла, что мы совершенно разные люди. Я уже тогда ощутила, что наша жизнь постепенно превратится в мученье. Так оно со временем и случилось.

Он потихоньку начал выпивать. Иногда даже не ночевал дома. Так, постепенно и рухнула наша семейная жизнь. И, заметь, как быстро пролетели годы? Жизнь такая коротюсенькая, что ты себе пока этого просто не можешь представить. У тебя всё впереди! Давно ли ты ползал по полу вот в этой самой квартире, а сейчас такой мужичок стал. А отца и, правда, не забывай – всё-таки родная кровь, а родную кровь не обманешь.

Явление 8-е

Константин: Прохаживается взад-вперёд по сцене, сетуя на то, что Екатерина никак не отвечает взаимностью.

Да, она, однозначно, человек настроения. Мне кажется она очень эмансипированная. Как к ней подступиться, просто не знаю. Даже не знаю, как с ней хотя бы один раз по-настоящему обстоятельно и серьёзно поговорить. Она не хочет со мной общаться, не хочет меня выслушать. Хоть бери и пиши ей ещё письмо. Но это будет моё последнее послание. Если не ответит – придётся проститься.

Как мне хочется к ней прикоснуться, поцеловать хотя бы в щечку, пройтись с ней по Большой Покровской, посидеть в кафе. Я бы ей многое чего рассказал и поведал из своей жизни. Мне хочется выговориться… Мне многое чего хочется?! Мне хочется уехать. Уехать бы лет на пять в Штаты. Уехать, забыться. Написать хороший роман, или восхитительную лирическую поэму.

Может, перемена места жительства поспособствует этому? Да, надо уехать, во что бы то ни стало.

Прощальное письмо Константина к Екатерине.

Катюш, здравствуй! Решил обращаться с тобой на «ты», так как начинаю понимать, что это моё последнее к тебе письмо. Не сочти такое моё обращение за бестактность и невежество, просто хочется как быть с тобой ближе… Дорогая, как твои дела? Что в твоей жизни нового? Как тебе работается? Я в начале ноября тоже вышел на работу. Дежурю в «Детском мире». Если сможешь, заходи, подберём твоим внучатам подарки на Новый Год. Кать, пишу тебе это письмо (надеюсь, ты первое прочитала) и хочу попросить тебя о встрече; о полноценной встрече тет а тет. Ведь мы с тобой по-настоящему

еще ни разу даже не поговорили. И в этом, наверное, моя вина. Да, Катюш, всё не так просто. Кать, ты не представляешь, как я жажду нашей встречи. Я очень по тебе скучаю. Я хочу видеть тебя. Кать, когда я приходил последний раз к тебе на работу, я тебя даже не узнал. Потому что ты была в тот момент несказанно очаровательной, восхитительной и красивой; овеянная некой утончённой женской печалью несбывшихся житейских надежд и любовных чаяний – что не передать. Я узнал тебя в самый последний момент. Ты ко мне так и не вышла, сославшись на работу. А меня тогда охранница пропустила под честное слово буквально на минуту. Мне хочешь не хочешь надо было уходить. Кать, я всё мыслю о нас. Мне всё думается, что наше знакомство вовсе не случайно. Что это так кому-то надо. Что этого (свыше) кто-то захотел, чтоб мы соединились. Помнишь, у Маяковского: «Если в небе зажигаются звёзды, значит, это кому-то надо». Кстати, мне очень бы хотелось с тобой поговорить о литературе, о театре. И уж мечтой жизни было бы то, если б мы с тобой сходили в театр на какой-нибудь спектакль. И ведь это всё реально… Раз уж я заговорил о вещах духовных, мне вдруг вспомнилась моя пьеса «Разделенная и неразделённая любовь». Она небольшая по объёму. Пьеса в одном действии. И мне подумалось: не про себя ли самого она у меня когда-то написалась? Мне бы очень хотелось, чтоб ты её прочитала.

…То есть это вовсе не моя прихоть, что вот, Катюш, ты мне понравилась и всё. Нет, здесь что-то другое. Я даже затрудняюсь объяснить это словами. И мы не должны этому противиться. Надо, напротив, идти навстречу тому, что нам посылает судьба. Так и только так!

Кать, мне от того, что ты никак не отвечаешь – очень плохо. Поверь, я сейчас очень переживаю. Я даже не знаю, как тебя увидеть. Я уже не решаюсь прийти к тебе на работу, потому что ты или занята своим делом… и там всегда находится кто-то из твоих коллег.

Это очень неловко. И мне становится не по себе, когда я подумаю, что ты даже не выйдешь на минуту со мной в холл пообщаться. Не захочешь со мной перекинуться парой приятных фраз. Просто какой-то заколдованный круг.

Мне не хочется верить, что ты во мне вдруг (ни с того ни сего) полностью разочаровалась.

Кстати, Катюш, если тебе понадобится моя помощь в чём-то – звони. Чем смогу, тем и помогу.

В конце концов, как прелестной и обожаемой знакомой. Как доброму другу. Лишь бы видеть твой милый, желанный образ.

В первом письме я на эмоциях допустил некоторые грубые слова в твой адрес. Не серчай на меня за это. Так получилось. Что ещё хочу сказать. Буду ждать твоего ответа (то есть звонка).

Пусть он даже для меня будет ошеломляющим и трагичным. Я на всё готов. Но он (ответ) мне очень нужен. Потому что неведение для человека хуже всего. Константин.

ДЕЙСТВИЕ 3-Е.

Явление 1-е

Квартира Екатерины

Евгений и Екатерина Николаевна сидят на кухне за столом; ведут непринуждённый жизненный разговор. Евгений вдруг взволнованно и смущенно проговаривает.

Евгений: Мам, хочу тебе признаться.

Екатерина: В чём?

Евгений: В том, что я ездил к отцу в Линду.

Екатерина: И как они тебя приняли?

Евгений: Вполне прилично. Его старенькая мать такая добрая и отзывчивая, что не передать. И он и она очень мне обрадовались и приняли меня как родного.

Екатерина: Так ты им есть самый что ни на есть родной роднущий. Это твои родные бабушка и твой родной отец.

Евгений: Кстати, отец тоже был мне очень рад. Его глаза сияли. Он при виде меня стал сам не свой, будто всю жизнь ждал этого момента, то есть нашей встречи и вот дождался; встреча состоялась. А мне всё представлялось совсем иначе. Я предполагал увидеть зашоренного, спившегося человека, а увидел вполне порядочного и здорового мужика. Мы с ним как-то быстро нашли общий язык, разговорились.

Екатерина: А обо мне хоть что-то спросил тебя?

Евгений: Так, как-то вскользь. Мол, как жива-здорова и всё.

Екатерина: И на этом спасибо.

Евгений: Когда я уже собрался уезжать, он вдруг пристально посмотрел на меня и задумчиво и грустно произнёс: «Ну, прощай сын. Увидимся ли ещё – не знаю». «Да, даст Бог, увидимся,– ответил я ему,– всё-таки недалеко живём друг от друга».

И он тут вдруг открылся, сказав, что уезжает добровольцем в Новороссию на фронт. И что это решение он принял не потому что обижен на жизнь, что судьба поступила с ним очень жестоко и терять, мол, ему больше нечего, а потому что ощущает в себе внутренний зов исполнить долг, означенный тебе свыше. Долг защитника Родины. Кто если не мы? Мам, может, и мне поехать в Донбасс. Я тоже чувствую потребность в служении Отечеству. Мне хочется сделать для Родины что-то значимое и грандиозное…

Екатерина (Очень строго): А я с кем останусь?

Евгений: Будешь нас ждать с фронта, с войны.

Екатерина: Жень, давай закроем эту тему раз и навсегда. Никуда ты не поедешь. Понял? Я сказала.

Евгений: Мам, я вполне взрослый человек и позволь мне самому решать, как поступать в той или иной ситуации.

Екатерина: Ну, вот! Опять одно расстройство. Никакой жизни?!

(Звучит песня Владимира Высоцкого в исполнении Екатерины Гусевой «Так случилось мужчины ушли». Екатерина, закрыв лицо руками, плачет. Евгений, свесив низко голову, сидит за столом, повернувшись к залу.)

Явление 2-е

Екатерина зарёванная и несчастная сидит на диване в комнате, с опустошенным взглядом; рассуждает сама с собой:

Ведь это я виновата в том, что жизнь у самой не сложилась. И его жизнь, Кондратия, своего бывшего мужа, исковеркала. А всё гордыня, самовлюблённость, заносчивость. Мол, я такая смазливая, вся из себя; у меня да и не получится? Я да и не найду достойного себе мужчину?

Дура! Мужчин-то ты всегда найдёшь. Мужчин?! Только подмигни, сбегутся, как стая собак, к пустующей сучке. А вот любовь – любовь – её не ищут – она сама приходит нежданно-негаданно.

Она сама в нужный и может быть, не в самый подходящий момент тебя находит, вселяется в тебя и ты этим несказанным чувством живёшь. Да, живёшь надеждами и душевной неизбывной страстью, которая бурлит и клокочет в тебе трепетно и нежно. Вот я взяла и отвергла, вспыхнувшую в себе любовь, к этому попавшемуся на моём жизненном пути мужчине. В итоге сделала и себе и ему больно. То есть я распорядилась этим чувством, как сама захотела и вздумала. Я так и с Кондратием поступила. Ведь я его взяла и отвергала, полагая, что найду лучше. Но ведь человек не вещь, которую можно оценивать в категориях «лучше», «хуже», потому что он Человек. Он такой какой его сделала его собственная судьба, его воспитание, его жизнь; в конце концов его родители. Его, человека, и надо принять такого, какой он есть.

(обхватив голову руками, продолжает рассуждать самокритично и горестно)

Смазливая?! Да смазливые только и нужны для плотских утех, а не для порядочной и счастливой жизни. Смазливые, как я, мыкаются, а не смазливые живут полноценной семейной жизнью.

А не должно ли было и мне поступить иначе? Не так как я поступила с Кондратием опрометчиво и окаянно. Родить второго ребёночка, а, мо-

жет, и третьего! И… стерпится, слюбится. Так, наверное, и было бы. Но… прошлого не вернёшь. Как ни странно, но мне хочется его увидеть, извиниться перед ним за свою необдуманность и беспечность. Вероятно, он стал другим. Каким же?

Явление 3

У подъезда дома Екатерины.

Человек в форме защитного цвета сидит на лавочке возле подъезда Екатерининого дома. Екатерина возвращается с покупками из магазина. Она проходит мимо сидящего на скамеечке мужчины и её что-то очень трогает в его облике. Она резко оборачивается и восклицает.

Екатерина: Кондратий, ты?!

Кондратий: Я, Катенька, я. Не узнала меня?

Екатерина: Да как же тебя узнаешь. Во-первых, мы с тобой столько лет не виделись. Во-вторых, ты в военном обмундировании. И думать не думала, что мы когда-нибудь да уж и свидимся. И вот надо же – увиделись!

Кондратий: Да я, в принципе, за этим и пришёл, чтоб повидаться с тобой. Всё-таки ты моя первая женщина.

У нас с тобой совместно нажитый сын… и всё такое… Да, да Катюш, я просто не мог не прийти и не повидаться с тобой, потому как еду добровольцем на Специальную военную операцию в Донбасс. Почитай на войну, а там, сама понимаешь, всякое может случиться. Ты знаешь, я сам себя давно переосмыслил; я стал другим. Я с Божьей помощью вылез из того болота, в которое волею судеб попал. Ничего не попишешь – так в жизни бывает. И сейчас я счастлив тем, что та прежняя жизнь позади, что еще есть время исправиться и преобразиться. И что-то в этой жизни сделать значимое и полезное. Я просто нутром своим чувствую, что я должен быть там, где тяжело и страшно, где надо постоять за други своя; за други своя, значит, и за Родину.

Екатерина: Но ведь ты не молодой. Твоя логика мне не совсем понятна. К тому же у тебя на попечении старенькая мать. Кто за ней будет ухаживать?

Кондратий: Вот об этом я тебя и пришел попросить, чтоб ты, Катюш, в случае чего присмотрела за своей бывшей свекровью. Она у меня ещё довольно бодрая и ни в какой опеке пока не нуждается.

Но возраст есть возраст – его никуда не денешь.

Екатерина: Обещаю, но только с тем условием насколько мне позволит время. Я ведь ещё работаю и работу бросать не собираюсь потому, как надо на что-то жить, да и Жене моя помощь нужна.

Кондратий: Понимаю, понимаю. А сын у нас с тобой хороший получился! Парень что надо! Я очень горд за него. Ну, давай, Екатерина, прощаться.

Екатерина: Давай, Кондратий. Береги себя.

Кондратий и Екатерина целуются на прощание. Он подхватывает со скамейки рюкзак, закидывает его на плечо и, отстранясь, с восторженной грустью произносит: Не поминайте лихом.

Звучит «Славянка» под которую Кондратий спешно уходит.

Явление 4-е

На дворе осень. Деревня. Возле дома Андрея.

Константин: Едем с Глашей в свой дом, гляжу стоит твоя машнна, значит, думаю и ты здесь. Мы с тобой давно не созванивались. Дай, думаю, зайду, узнаю как у тебя дела. Что нового.

Андрей: Во-первых, Кость, познакомься с моей гражданской супругой.

Константин и Ирина знакомятся.

Во-вторых, у меня для тебя есть новость и она, моего самого близкого друга будет ошарашивающей.

Константин: А ну-ка удиви или напугай меня.

Андрей: Мы с Ириной уезжаем!

Константин: Куда?!

Андрей: Как ни парадоксально прозвучит: на север!

Константин: Не может быть?! Да ведь ты только оттуда?! Тебе мало тридцати лет холода и комаров? В чём логика такого неординарного решения?

Андрей: Наша с Ириной логика и простая и в то же время мудрёная. Она состоит в том, что мы уезжаем туда испытать самих себя, испытать наши супружеские отношения. Да-да это, может быть, звучит иронично и банально, но это так. Ирина завязала со всеми своими непристойностями в отношении выпивки и курева, а я вдруг надел на себя крестик и стал молиться Богу. Ты знаешь, я в отличии от тебя, никогда не носил крестик. Его у меня сорвал мой дядя, увидев его однажды у меня на груди. До сих пор не понимаю, зачем он это сделал. Но с того времени я крестик так больше и не надевал. Жил закоренелым атеистом. Вот такие метаморфозы произошли с нами за то время, сколько мы с тобой не виделись. Так что, Костя, прощай. Свидимся, нет ли – известно одному Богу. Как там в песне поётся: В севера, в севера от насиженных мест. Нас суровые манят ветра… В севера! Да ведь и тянет туда, чёрт возьми, какой-то неведомой, тайной силой. Тя-нет!

Константин: Я в ответ тоже хочу тебя удивить.

Андрей: Чем же хотелось бы знать.

Константин: Уезжаю на днях в Штаты в творческую командировку. Так я называю свой предстоящий вояж.

Я давно мечтаю там побывать. И когда вернусь оттуда – тоже не знаю и не ведаю.

Андрей: Прощай, дружище! Не поминай лихом.

Расстаются

Предполагаемое окончание пьесы.

(Фэнтези)

Я пробыл в Америке 5 лет. Пять лет я не был в России. И вот я снова здесь на своей горячо любимой Родине. Моя душа истосковалась и исстрадалась по родной земле. Меня восхитили и большая и малая родины. Моя Нижегородчина! Нижний приукрасился и преобразился.

Я встретился со своими родными. Моя Глаша, слава богу, жива, здорова. Мы снова вместе.

Всё прекрасно. Но больше всех меня обрадовал мой внучонок. Он уже взрослый. Он хорошо говорит по-английски. И я естественно владею этим языком. Пять лет! Пять лет я не был дома.

Боже мой! Даже не верится, что все это со мной произошло?! Что я жил в Штатах?

И теперь, когда звон рюмок перестал звучать по случаю моего благополучного приезда на Родину, и все застолья остались позади. Я отдался природе, которую любил и люблю с самого своего детства. Просто бесцельно хожу с ружьишком по лесам, вдыхая легкий ароматный воздух знакомых до боли лесных дорог и просек, разделяющих сосновые боры и березовые рощи ровными линиями. Я неспешно присаживаюсь на валежины, слушаю шум густых еловых ветвей, пронзительный и приятный свист рябчика. Всё это меня несказанно вдохновляет и радует. Наконец, когда моя душа насладилась родным окрестом, его чудной природой, мне все же вспомнилась она. Да-да! Она пришла мне на ум невзначай, когда мне стало вдруг немного скучно и тягостно. Я жил на даче один. И недолгое одиночество и раздумья вдруг заставили меня вспомнить и о ней. Я стал мысленно прокручивать в памяти наши короткие, но восхитительные свидания. Вспоминал её милый прелестный образ, и от этого мне становилось хорошо и благостно. Я решил, что мне её надо непременно увидеть. Просто увидеть и ничего более. Ведь я её когда-то искренне полюбил, но она отвергла мою любовь. Что ж – это всё позади. Я всё это пережил. Я отстрадал и переболел этой вспыхнувшей во мне нежданно-негаданно любовью к этой женщине.

Мы поехали в тот торговый центр с моим внуком. Он имеет хороший автомобиль.

Я, глядя на него, радуюсь; радуюсь тому, что у меня такой хороший внук. Он и конституцией тела и обличьем похож на меня. И вот мы там. Я надел тёмные

очки, чтоб она меня не узнала. Мы с внуком заходим внутрь бутика. Моя душа, словно птица, встрепенулась волнительно и приятно при виде некогда знакомой мне женщины. Она всё так же, как и пять лет назад сидела за столом, что-то записывая в разложенные на столе бумаги. Я стал разглядывать товар, искоса взглядывая на неё. Она изменилась. Её стать стала ещё объёмней. Но лицо осталось всё таким же красивым и приятным. По женски убранные на голове русые волосы. Да-да она прелестна своим восхитительным обличьем, своей очаровательной улыбкой. Наконец я приблизился к ней, делая вид, что разглядываю убранство и товар салона. И она, пробегая своим взглядом по посетителям, вдруг резко остановила его на мне; стушевалась и опустила взор всё в те же бумаги, лежащие на перед ней. Лицо её зарумянилось и улыбочка, эта милая улыбочка, осенила её личико. Вероятно, она меня узнала по чертам лица и по родинке на шее. Она всё такая же смущенная и в то же время улыбчивая сидела и перебирала в руках футляр от очков, изредка взглядывая на меня. Я, глядя на неё, произнёс по-английски.

– Майкл,– обратился я к своему внуку,– ты не поверишь, но вот эту женщину я знаю.

– Не может быть?! Дед, откуда ты её можешь знать?

– Знаю, Майкл, знаю! И даже больше чем знаю.

Она, вскинув удивлённо глаза, прислушивалась к английской речи и ничего не могла понять.

«Если это он,– думала она,– то почему он с молодым человеком разговаривает по-английски.

Он не может знать английского языка? Кто это вообще такие?!»

А я меж тем продолжал:

– Майкл, ты опять же не поверишь. Но в эту женщину пять лет назад я был очень сильно влюблён. Так влюблён, что не передать. И эта любовь оказалась безответной. Такое в жизни бывает. Не приведи Господи, чтоб у тебя, в твоей судьбе случилось такое же. Она отвергла мою к ней любовь. Из-за этого я и уехал в Штаты. Вот такая, Майкл, история. А теперь передай ей от меня этот скромный презент.

Я передал внуку красивый пакет, в котором находилось кольцо с сапфиром и плитка её любимого шоколада «Вдохновение».

– Вот этот американец, желает с Вами познакомиться и передаёт Вам этот скромный подарок.

Внук положил на стол пакет с подарками и она медленно перевела свой взгляд на меня. Я снял очки и мы встретились взглядами. Встретились и долго смотрели друг на друга.

– Да-да,– продолжал меж тем мой внук,– он с Вами непременно хочет познакомиться. Вы не против?

– Спасибо, но мне кажется, что мы уже когда-то были знакомы…

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

Звучит песня Ю. Антонова «У берёз и сосен».

ВАЛЕРИЙ МУХИН (ПСКОВ)

***

(О книге Станислава Куняева)

Давно так залпом не читал,
А тут, как будто бы споткнулся –
Как стопку водки опростал
И ни чуть-чуть не поперхнулся.

Наш мир, литературный мир
Давно, как будто, обезлюдел,
Не любит нас и не любил,
Стал изворотлив и паскуден.

И вдруг, как толику тепла,
Господь послал мне книгу эту:
«Любовь, исполненная зла» –
Меня подняла ближе к свету.

И с ней светлее стал мой дом
И автор стал мне другом в полдник.
Своим отчаянным трудом
Он совершил, конечно, подвиг.

Гражданский подвиг! Человек
Всю правду вскрыл – не побоялся –
Изобличил «порочный век»,
Серебряным, который звался.

Ну, что ж – разрушены мосты
И сказано об этом честно…
И – ощущенье красоты,
Что всё поставлено на место.

СМЕРТЬ

Дед строгает доски,
Ладит бабке гроб.
Дым от папироски,
А в душе – озноб.

Отлетает стружка…
Холодеет кровь…
Умерла старушка
Прямо на Покров.

Ангел пролетает
Лёгкой тенью прочь.
Стружку подметают
Старший сын и дочь.

У отца скатилась
По щеке слеза.
О доску разбилась.
Он её слизал

Сразу же рубанком,
Чтоб не солона
Смерть была у бабки…
Ведь в гробу – одна.

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО (КАЛИНИНГРАД)

О книге стихов Андрея Шацкова «Сказы Куликова поля», Москва, 2022

«ОПЯТЬ ВЕТРА ЗАВОДЯТ ПЕРЕБРАНКУ…»

«Чтобы память попирала смерть»,– таков смысл книги стихов, обращение к теме вечных полей русской славы: Куликовому, Бородинскому, Буйническому, Прохоровскому, полями битв на Курской Дуге.

Куликовец Андрей Шацков, рукой которого действительно руководило высокое вдохновение, во вступительной части его поэтической книги «Опять над Полем Куликовым» обращается к пророческим словам Александра Блока, назвавшего битву символическим событием русской истории, которым суждено возвращаться…», потому что силам зла нестерпим свет России, над которой простирает свой покров Богородица, приснившаяся Блоку: «Ты сошла в одежде, свет струящей, не спугнув коня», пришедшая во сне поэту Шацкову, благословив на стихи о Куликовом поле. Она стояла в свой день Святого Рождества над Куликовым полем, ее образ появился в небе перед началом штурма Кёнигсберга и взятия его Красной армией 9 апреля 1945 года.

Мои далекие предки принимали участие в Куликовской битве в составе Ярославского полка. В памяти проносятся святые имена Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, богатырей духа: Пересвета и Осляби, Микулы Вельяминовича, Дмитрия Боброва-Волынского, Дмитрия Ростовского, сражавшегося в полку Правой руки и многие, многие другие.

Энергии Куликова поля протекают через века, через победу в войне 1812 года, в Великой Отечественной войне, в водружении флага России над зданием Белого Дома в Чечне, которое совершил морской пехотинец гвардии майор Балтики Александр Николаевич Плющаков через грядущие и настоящие победы, приближаемые такими людьми, как герой Донбасса и всей России, командир отдельного разведывательного батальона «Спарта» Владимир Жога…

«Будет Русь от поганых чиста»

В главе «На поле Куликовом» Андрей Шацков в монологе Ивана Красного, отца Дмитрия Донского, передает отцовский завет сыну. В русской

литературе было много отцовских заветов сыновьям: пушкинский – «береги честь смолоду», бунинский – «остерегайся уныния»; Дмитрия Донского отец наставляет: не остудить души, «не опогань ее пустяшным страхом», помни о «тяжести Мономахова убора», о «княжеской крови».

И вот август 1380 года, когда закричали вороны за Доном, замутили воду сомы под обрывом, «заполыхал горизонт кумачово».

… Все ближе гремит путевой бубенец.
Весь в пыли и в дорожной невысохшей грязи,
С волчьих бродов несется усталый гонец
Упредить о нашествии Дмитрия-князя.

Августовские звезды застучали, «словно дождь по крыльцу», увиделись «тропы от дома до Дона», «узорчатые стяги», «в серебряных росах легли ковыли под размашистым конного воинства шагом», потому что нет большей благодати для Руси, чем «вольное синее небо», и мудрец Сергий Радонежский предстает в молитве с князем перед Святой Троицей, …Возвещают святые уста:

– Разорвутся ордынские вервии!
Будет Русь от поганых чиста!
… Задумчив стоит Пересвет
В преддверии славы великой.

Святая, нетленная дата – 8 сентября. Поэт ежегодно в первые семь дней сентября и сам чувствует энергии Куликовской битвы, видит себя во снах на поле боя, слышит ханский бубен, видит наемников из Феодоссии, одетых во все черное, чувствует холод свинцовой воды Непрядвы,

Но Богородица простерла
Незримый оку омофор
И.. черной птицей мимо горла
Стрела промчалась на простор.

Он помнит о страшных ценах за Победу, за свободу, «когда считать мы стали раны, товарищей считать»…

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия – вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.
Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом.
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.
И дланью обнял рукоять.
Расслышав отцовское слово:
«Рожденным в России – опять
Средь поля стоять Куликова!»

Художественное видение Андрея Шацкова отзывается в сердце право-

славного человека. «Мы все стали очевидцами и непосредственными участниками мировой битвы добра со злом,– пишет поэт и прозаик из Донецка Валерий Герланец о наших днях.– Многие годы зло скрывалось под человеческой личиной, поучая остальных демократическим принципам, правам человека, показному миролюбию. Но потом оно явило миру свое подлинное лицо, лютую русофобию и звериную агрессивность.

Но силам зла, даже вселенским, никогда не одолеть сил добра – ни в сказках, ни в реальности. Ситуация сложная, такой не было еще на Земле никогда, но завершится она полной победой русской цивилизации и православия, потому что Правда и Бог на нашей стороне. В это надо верить, за это – молиться».

«И синь дождя стекала павшим в очи»

Вторая глава «Сказов о Куликовом поле» написана «во славу русского оружия и памяти старшего сына Дмитрия», выдающегося тренера ЦСКА, умершего от сердечного приступа на 37-м году жизни.

Сентябрь пригож, и так прекрасна Русь
Сим, наступившим впору бабьим летом,
Что я никак с тобой не соберусь
В дорогу, сын, за нашей славой следом.

Лирический герой «Сказов…» сливается мысленно с отцами сыновей, оставшихся на ратных полях русской славы. У православных отношение к смерти не как к концу, а к началу вечной жизни. Если Бог есть, то смерти нет. Образные ассоциации ведут к современности, к жизни и смерти Владимира Жогу, отцу которого Артему Владимировичу президент России вручил Звезду Героя России 9 Мая. Прадед Владимира Жогу был участником Великой Отечественной войны, брал Кёнигсберг, был артиллерийским разведчиком. Владимир стал полковым разведчиком, командира батальона.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим подобьем –
Смертным грехом отца.
… а над Русью в стае облаков
Вспыхнет омофора позолота.
Зазвенит печаль колоколов
Димитровской родительской субботы.

Судьбы народа и судьбы отдельных людей сплетены в единую цепь «За други своя» там, где Дух Святой дышит, в простых сердцах Бог почивает. С этой верой живут на Донбассе. Вот что пишет поэт Людмила Гонтарева из Краснодона: «Слова поддержки – это действительно нужно сегодня всем нам, живущим на Донбассе. К сожалению, нам кажется, что Победа не будет быстрой. А насколько она кровопролитна, мы уже убедились. Я живу в тылу – в Краснодоне – но в нескольких десятках километров не смолкают залпы орудий. К нам в школы завезли беженцев из наших же городов Луганщины, где сейчас жить невозможно… Еще в феврале были мобилизованы практически все мужчины 18–55. В моем небольшом педколлективе уже две вдовы… Сегодня действительно яркий праздник – День ЛНР, и не хочется говорить о войне, но вот как-то само собой написалось. Мы ведь живем в состоянии войны, а хочется надеяться на хорошее – правильное – её завершение. Мы верим в нашу Победу. Без этой веры нельзя жить».

«И реют хоругви шелковые…»

В третьей части книги Андрей Шацков обращается к Рузскому полю, к своей родной земле:

«Воскреснет Господь, и его расточатся враги..
И встретит со славой вернувшихся впору посад…»
На Рузское поле ложатся былого шаги,
И реют хоругви шелковые.воинства над!

Поэт вспоминает Захария Тютчева, которого, согласно «Сказанию о мамаевом побоище», князь Великий Дмитрий Иванович послал к «нечестивому царю Мамаю», Боброка Волынского, увидевшего, как «свет над Русью горит неведомый, а над ворогом – темнота».

Горит в сентябре на земле бескрайней Руси Богородицкая трава – душистый чабрец, «Куликово заветное в поросли из чабреца». Язык Шацкова загадочен и не предсказуем. Живое и живущее в его «Сказах» не привязано к быстро текущему времени, оно возвышается над вечной Русью, Россией, а ее небесный дух, ее красота, где-то наивность и доверчивость – под покровительством Богородицы.

Давно не ощущала такой высоты, какая в книге Андрея Шацкова, как близко душе его поэтическое видение и созерцание, как тепло от родственности с его творчеством, и безбрежная благодарность – за духовное стояние на ратных полях России.

Андрей Владиславович Шацков родился 1 декабря 1952 года в Москве. Автор четырнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ, премии Правительства Российской Федерации в области культуры, а также многих иных литературных премий и наград. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век», в котором как часть поэтического пространства всегда есть большая Тюменская область. Проживает в Москве и в Рузе.

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА (Н.НОВГОРОД)

«СОЦГОРОД И ПОБЕДА» (ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ)

СНЕГ

Было глинисто, пасмурно, мокро и туманно. Вечер, не вечер, а темь, уже после трёх часов дня сумерничалось, скукота, а не гуляние! Небо, как грудь берёзы, такое набухшее, не цеженное, оно висело, что бабкина тряпка, из коей делались половики, оно тяжёлое, медное словно, исходило белесой мутью. Воробьи, баловни этакие, ели корки с помойки, а грачи стаей накидывались на каждую ягоду в саду, как братки кидались друг на дружку… Под утро праздника погода взяла да вдруг за бока схватилась – чегой-то я натворила, и давай подмораживать, сковывать реки, озёра, острова обходить морозом да инеем. И солнце зимнее выкатила на небосклон – пущай подубеет само! До тёплой ночи Рождества зима словно попряталась где-то, не проявлялась, как сгинула совсем, того и гляди – сразу весна придёт!

Бабка Таисья Васильева вышла из дома пораньше, обычно в этот день она всегда посещала деревенское кладбище. Автобус, когда подмораживало, мог и не остановиться, проехать мимо поворота, не заметив бабку. Дорога была почищена грейдером ещё до рассвета. Обычно музыка в стареньком Пазике звучала громко, водитель был известный меломан. Таисья ещё издалека услышала мелодию: «Бедная ты, бедная, что же так до срока?

Голова седая, руки, ручки ли?

Это было, как помнит Таисья, туманное детство, мама говорила, что у Таисии было ещё семь братьев и сестёр, а 17 мая 1941 года под похожую частушку у Таисии родился ещё один братик – Витенька. Мама лежала за занавеской, повивалки кружились возле неё, одна ей пот отирала со лба, вторая кровь простирывала влажной тряпкой. Это сын! – сказала мама.

– Сын, Шура, сын! – повивалка-соседка держала в руках плаценту, словно взвешивая кровавый шарик, скорее похожий на кролика, с которого сняли шкуру. Затем соседка положила Витеньку маме Шуре на грудь и сказала:

– Твой малец! Держи!

Витюшка ласково описал маме бок, тёплый живот, горячая нежная струйка протекла на кровать.

– Вот бы мне так уметь донашивать детей, ежели матери гибнут! – воскликнула повивалка. Затем она взяла иголку, протёрла её военным спиртом, вдела в ушко суровую нить и начала колдовать над мамой, зашивая разорванную кожу:

– Эх и порвалась ты, Шурка!

Мама-заплатка, мама-ткань, мама-рана. Затем ей на ноги надели чулки, чтобы вены не растянулись, они сразу намокли кровью. На маме была зелёная рубаха с китайскими павлинами, которых она по вороту вышила сама из остатков нитей, что валялись в чулане. По спине ветвились кроны неизвестных Таисии деревьев. Наверно, пальмы, может, баобабы. Нет, нет, это вереск! Ты ела вересковый мёд? Ты глотала кукушкины ягоды?

– Откуда? – Таисия обычно пожимала плечами.– У меня есть кукла из бинтов, с волосами из цветных ниток, у неё глаза пёстрые, как одуванчики – один синий, второй жёлтый, на ней платье из настоящего шёлка, скроенное из самого ценного куска ткани, что был найден в самом углу пыльного мешка.

…дешёвое красное платье-халат, сшитое вручную…

мама лежала бледная, без трусов, в чулках, со спутанными волосами…

…Витенька орал, как оглашенный…

Вот и всё, что осталось от мамы Шуры.

– Ты старшая, Таисия! Тебе детей нянчить! – сказала соседка, когда холодеющую маму Шуру вынесли в сени.

Детей Васильевых пристроили в один детдом. Их старались не разлучать. Таисия помнит ещё одно утро – тоже склизкое, туманное, бесснежное. И фашистский танк во дворе, он своими гусеницами давит куклу Таисии из марли, сначала синий глаз, затем жёлтый, как вересковый мёд…

Лубяные песни, каждая – обрубок
этих неразумных, этих серых птах.

КОНЦЛАГЕРЬ

Это пошлое, извращённое, большое животное.

Таисию привалил к столу Ганс и сказал на хорошем русском языке: «Ты – норка. А у меня есть суслик. Он замёрз и хочет погреться. На, держи леденец, это петушок. Ешь его пока. А я согрею своего суслика в твоей норке. Я знаю, тебе всего девять лет, но ты всё равно умрёшь. Но пока будешь греть моего суслика, то тебе обеспечена жизнь. У тебя есть внутри Капюшончик, он нас прикроет…»

Таисия дрожала от страха. От того, что в неё снизу что-то засовывали, она скулила от унижения и боли, к пальцам прилипал сахарнаый петушок, она его лизнула – сладко! Но более всего она думала о Витеньке, который был в бараке один. Голодный. И больной совсем. Утром у Витеньки поднялась температура, но его всё равно повели в медицинский зал, чтобы выкачать у него кровь для солдат вермахта. Таисия прижимала брата, гладила его бледное личико, но Ганс всё равно выхватил мальчика и привёл только через час обратно: «Он сдохнет!» Таисия понимала, что она тоже теперь вся рваная, как мама Шура, которую зашивали и не смогли остановить кровь. Что Ганс порвал её снизу, она слышала, как чавкает её живот, всасывая какую-то жидкость. Видела, как Ганс бьётся в конвульсиях и мычит: «это был огурец! дачный крюшон! Погляди на себя в зеркало, там внизу увидишь, у тебя горит внутри дерево!» Ганс поднёс осколок зеркало из-под пудры, и Таисия с ужасом увидела кровь, сочащуюся из неё! Что она могла знать – эта кроха? Которая жила в мире математики, литературы, песен о родине, которая лучшая самая, которая берёзки-рябинки, которая строит коммунизм! Эти фашисты подонки и мрази, как можно защищать зверя, а? Как?

«Ты жива благодаря тому, что ты девочка, но ты не простая девочка, ты красивая, рано созревшая, у тебя уже есть сиси. Поэтому до тебя есть дело немцу, поэтому тебя не заморили голодом наглухо, не обрили, не втолкнули в газовую камеру, не убили просто из-за того, что немцу скучно. До тебя есть дело фашне, нацикам, извергам, извращенцам, изголодавшим по контактам. Да, ты – малолетка. Но ты всё равно расходный материал. С тебя что взять-то, ты же не банк, ни амбар, ни корова, ни еда, ни питьё, ни ресторан. Ты никто! Ты – норка!»

…Автобус ехал и ехал. Таисия была внутри его. Ещё не рассвело и, казалось, что водитель пробирается наощупь, скользя между мирами, по наитию находя дорогу. Погода резкая такая…резвая. Вместо часа, пассажиры едут часа три-четыре, вздыхают. Таисия мучается, но терпит. Она всегда на Рождество ездит сюда – к маме Шуре. А затем летом к Витеньке в Вырицу, там во время войны, в 1942 году, немцы устроили концентрационный лагерь для детей. Это детский Освенцим.

Пазик плавно шустрит по дороге, осталось немного до нужной остановки, Таисия встаёт и подвигается к выходу и вдруг слышит:

– Таисия! Таисия! Ты ли это?

Она поворачивается, вскидывает ресницы.

Голос вроде бы знакомый. Но взрослый, мужской, надтреснутый.

– Да, да, это точно – ты! А я ваш сосед, Бердюжский! Я – Василий!

С соседнего сиденья поднимается старик. Но взгляд у него молодой, чёткий. Таисия молчит. Она привыкла таиться и бояться. И чуть что, то в слёзы кидаться привыкла. И за сердце хвататься! Это у неё после концлагеря. Врач сказала: не перестанет никогда.

Ничего не перестанет. Ни смерть. Ни жизнь. Ни могилы мамы и братьев, сестёр. Ни возмездие. Ни ненависть к фашистам. Ни боль. Ни кровь. Ни ужас.

Ничего, никогда не перестанет. И хватит вам защищать фашистов. Прекратите их возрождать. Тащить из могил их злые кости!

И добро, как противоположность злу не перестанет. Как этот тонкий месяц, гаснувший под утро. Ни снеговые тучи. Ни город, оставшийся позади со своими окраинами. Ни поле. Ни луг. Ни мороз раскочегаривайся всерьёз. Ни тропа, глубокая такая, ровная, виляющая мимо высоких дачных домов-коттеджей, что резко заканчивается, словно обрывается на краю села. Надо перейти это длинное поле, как сама жизнь, надо добраться до кладбища. На самой его кромке видится слабый огонёк – сторожка кладбищенская, там сидят рабочие, курят, допивают в разлив пиво. Один из сторожей Микула, поджидая Таисию по выходным да в Рождество, не гасит на дворе свет. Огонёк-огонёчек, не бросай меня, ожидай меня, я же жива, хотя Ганс обещал, что всё равно умру, насилуя меня! Дурак этот Ганс, а кто за могилами ухаживать станет?

Полы пальто Таисии развеваются, мешают идти, Бердюжский увязался за Таисией. Решил проводить до самой оградки. Решил постоять вместе. И шкалик распить за упокой.

Но снега столько намело, что оба останавливаются, задыхаясь посередь поля.

– Накось мои сумищи! – говорит Таисия, протягивая две авоськи Василию.– Ты хоть старый. Но крепок ещё! Сказывай, как жил-то?

– А чё? Вдовый я как год уже.

– Дети есть?

– Да!

– И где они?

– Так один у меня. Но в девяностые в неприятность попал. Сейчас выправился…

Таисия неожиданно, вся подобравшись, усаживается в сугроб, ой-ой… Руки мерзнут, ноги коченеют…

Василий берёт снег, натирает ладони ей до крика. Затем откупоривает бутылку наливки и даёт глотнуть Таисии, затем пьёт сам. Его ресницы все в инее, щёки белые, прямо Дед мороз! Идём, инда! Так они и ввалились в строжку к Микуле, Снегурочка и Морозко, пьяные уже, хохочут. Видно, крепка настойка попалась! Таисия вынула угощенье для Микулы: пирожки, оладьи.

– Ешь!

А сама юркнула за дверь – до могилы всего двадцать метров. Мама Шура схоронена с краю в десятом ряду. На фотографии она в чёрном вязаном платке. Концы ажурно сплетены в узел. «Ой, прости меня, матушка, не сберегала я Витеньку. И других твоих деточек! Не углядела…

не смогла… мала была. Надо было подальше в тыл уехать, не успели. Неповоротливые-е мы были! Прости уж!»

Затем они втроём: Таисия, Микула, Василий сидели, грелись, пока пар не пошёл. Затем стали привозить покойников один за другим.

– Значит, пора мне! – воскликнула Таисия. – И погрелись. И наелись. И наговорились. Пойти надо, Вася.

Тот лежит на диване. Молчит.

Эх, жизнь! была ли ты?

И действительно, Вася, как ты жил? Хорошо ли? Плохо ли?

– Женюсь я на тебе, Таисия!

– Чего? Тебе уже 86 лет и мне тоже. Нам только можно, как брат и сестра быть! Или соседями, как были!

– Нет. Женюсь! Вот увидишь! Сама попросишься ко мне! Заживём!

– Так не бывает!

– Всё бывает!

Всё!

Микула заваривает чай – с малиной, мятой.

Таисия достаёт мёд. Тот самый вересковый.

Сидят, пьют.

А тут снова похоронная процессия поспешает. Ну, хватит, люди умирать! Дайте хоть чашку чая выпить!

– Завод-то наш окончательно развалили. Женщины по рынкам торговать пошли, мужики по Турциям за вещами подались. Развалили всё демократы да враги России, отдали на разграбления богатства наши. Особенно жалко науку, такую мать их… у Таисии явные были способности к математике и литературе. Эта фашня всё убила.

– А молодёжь подалась в блогерство, девки на шестах танцуют…

– А те, кто родились в девяностые, так совсем почти без образования стали. В театрах пошлость и разврат процветают. Спектакли ставят, как для голого короля.

– А они и есть голый!

– Книги пишут фашизм оправдывающий.

Постыдились бы.

Писатели лишь про деньги думают. Кому бы продаться! Тьфу ты!

ЯСИЙ – ВЕРЕСКОВЫЙ МЁД

Сорока-ворона кашу варила,
этому дала, этому дала…
(детская потешка)

Ветка вереска проросла, обвивая проволоку концлагеря. Это случилось весной. Ветка была тонкая, нежная, на ней набухали почки. Таисия слизывала с них капли влаги. Это был её вересковый мёд. И она знала, когда предстанет пред вратами, за которыми кончается белый свет, то обязательно расскажет, что ела его. По капле. По слезинке. Иногда Таисии удавалось приводить сюда Витеньку:

– Ешь, ешь! – говорила она. – Это мёд.

Витенька послушно откусывал почку. Затем Таисия откалывала кусок петушка – такой крохотный, что его не было видно, она клала Витеньке на розовый язычок угощение.

– Вкусно?

– Ага! – кивал Витенька. – Настоящий мёд.

Он плохо выговаривал слово «настоящий» и получалось ясий мёд!

Обычно ленинградцы любят бывать в этом сосновом бору. Но они не знают, что в этом молитвенном Серафимовском месте был истинный ад для детишек. Выжило всего около ста человек. Но зачем фашне вообще понадобились дети. Какой смысл? Оказалось, что детей использовали, как прикрытие во время обстрелов советскими самолётами. Таким образом, фрицы оставались живыми. Кроме этого, дети это источник крови, источник тепла при сжигании в печи, девочек постарше насиловали, использовали их как наложниц.

И ты ещё оправдываешь фашню? Как язык поворачивается?

Чтобы малыши не плакали, их избивали плётками. Была одна такая Вера-Верёвка, страшная как волчица. Говорят, что впоследствии ей волки лицо сгрызли до кости и руки до плеч. Я сама была этим волком – во сне! Да-да, клыки острые, пасть широкая, лапы когтистые. Серый, серый волк, ты в фашистах знаешь толк. Волк – зверь полезный. Он подходил к ограде и рыл ямы, помогая детям вылазить наружу.

Таисия, после очередного совокупления с Гансом, твёрдо решила: бежать! Потому что понимала, не выдюжит! Насильник становился всё ненасытнее, а её худое, почти прозрачное тельце болело. Особенно живот. Иногда кровь вываливалась сгустками, похожими на чернильные пятна, как глаза кукол, которые переехал танк. Распухало всё внутри, до рези и колик.

– Я что вам сувенирная лавка? Вы входите в меня, как в базар! – Таисия испуганно взглянула на Ганса, когда тот в очередной раз потащил девочку к себе.

– Ничего. Из тебя вырастет хорошая шлюха! – немец плюнул в лицо девочки. – Мне нравился, что ты вся сухая, вся ломкая. Мой суслик весь в крови.

– Вы убьёте меня. Насовсем!

Ганс тащил девочку за волосы, сам при этом на ходу доставал своего суслика из галифе. В конце коридора навстречу неожиданно вышла Валя-Верёвка:

– Эй, Ганс, ты куда тащишь ребёнка? – в её глазах мелькнул огонёк.– Тебе меня одной мало?

Немец разжал свои пальцы, которые были толстые, как карандаши.

– Нет. Найн. Валя…

Таисия почувствовала, что её отпустили, она вздохнула и ринулась в барак на своё место.

Валя придвинулась к Гансу, от неё пахло спиртом.

– Фу, ты чего? зачем тебе шнапс сегодня? Ты алкоголичка?

– Увижу, что ты насилуешь девочек, застрелю! – Валя вплотную подошла к Гансу.

– Тебе жалко? – немец выругался.– Вас, рашен шлюх, душить надо! Тогда пошли ко мне!

– Дурак ты!

Они лежали потные, волосы Вали разметались по плечам: «Мне нравится, Ганс, заниматься с тобой этим. И одновременно отвратительно! Мне нравится кровь на твоём суслике. Кровь этих невинных девочек. Это меня приводит в экстаз! Я вся пульсирую под тобой. Мои соски становятся упругими. Говори со мной – какая я? Солёная? Как я пахну? ну, Ганс!»

«Да, да…когда-нибудь я тебе скажу какая ты шлюха и гадина. Какой я низкий и падший. Мы сюда пришли и устроили Садом и Гоморру. И когда-нибудь также исчезнем в этом пепелище!»

«Не говори так, Ганс! Давай о нас. Ты любишь, когда я сижу сверху? Когда ты загребаешь меня своими руками в рыжих накрапах веснушек. Ты волосатое чудовище. Ты монстр!»

«На!» – Ганс протянул Вере серёжки, которые он вынул из ушей умершей вчера девушки. Они были с маленьким зеленым камушком. Простые деревенские, не серебряные, не золотые кругляшки. Девочка не хотела отдавать серьги – это была единственная вещь, что осталась у неё от матери.

Вера надела их. Зачем они ей? Но надсмотрщице было приятно, что Ганс сделал ей подарок. Она стала рисовать на спине Ганса знаки.

«Ты что там пишешь?» – спросил он.

«Я рисую твоего суслика и мою норку! Раньше я занималась этим с девушками. А теперь с тобой. Мы лежали с подругами после школы на ковре дома и ласкали друг друга. Мы становились одним солёным и пакостным телом. Мы обливались своей похотью. Мы умудрились засовывать пальцы везде…»

«Ты в гробу тоже будешь такой? Твоя норка будет двигаться сама по себе! Она будет отдаваться червям и кротам, мышам и песку, тебя завалит глина, тебя съест змей!»

«Ага! Съест и отравится! И тебя съест, затем распухнет и лопнет! И твои кишки разлетятся по всей территории грязного Берлина, кровавого, червивого, гнусного рейхстага…»

Но случилось иначе: Ганса загрызла волчица. Весной 1943 года. Он вышел во двор. Ночью. И вдруг услышал шорох. Оглянулся и увидел, как два человечка пролезли под проволокой и пробираются вниз к реке. Ганс достал револьвер и кинулся в погоню. Найн. Найн. Орал он. Он видел, что это была Таисия и Витенька. Дети шли медленно потому, что мальчик был так слаб, что еле передвигался.

– Собаки! – мелькнуло в голове немца. Надо выпустить собак! Где же они? Отчего не лают?

Ганс выстрелил. Но промахнулся.

Выстрелил вторично.

В этот момент сзади показался силуэт какого-то существа. То ли медведь. То ли человек. Кто ты? Но было поздно. Волчица впилась в горло, жадно отхлёбывая потоки крови – немецкая кровь дурная! Она пьянела от экстаза. Она заходилась в страшном хмелю. Ещё один позвонок, ещё и ещё. Она перекусывала один за другим сколький человечий хрящ. На запах крови сбежалась вся стая. Они растащили куски немца в разные части леса, под кусты, под ракиты, как в песенке. Волки знали цену искусства.

Все удивились. Особенно итальянец, служивший помощником в Вырице: куда делся этот похабник Ганс? Это глупый рыжий изверг?

Через неделю итальянец написал рапорт о том, что Ганс, который хорошо знал русский язык, видимо перешёл на строну врага. И будь он проклят всеми! Даже своей собственной матерью, как Розенберг – самый отъявленный мерзавец двадцатого века. Будут они прокляты! Вся фашня!

Таисия искала пуль на запястье у Витеньки. Она дышала она него, тормошила. Иногда ей казалось, что она засыпает. Но она всё равно трогала его пульс, в машине, в автобусе, в скорой помощи, куда её везли врачи. Она искала пульс Витеньки осенним утром, сидя на кровати, она трогала, когда ей делали операцию, останавливая маточное кровотечение, она трогала его пульс в своём пульсе, она бежала, вздымая рой кузнечиков по лугу, она плыла по берегу Иртыша, в лесу, когда искала ягоды. Она подходила к деревьям и спрашивала: где Витенька? Она искала его в сарае, в комнате, в саду. Она шла по Москве, приближаясь к Марсовому полю, к Болотной, к Тверской, она читала Бадью, Исаковского, Твардовского, Гастева, томики Окуджавы, Симонова, Светлова. Она изучала ненавистные труды Гитлера, чтобы понять, зачем он покушался на её детство? За что? Германцы всегда мечтали завоевать Россию. Обмануть её. Украсть её землю. Ибо русские – это аборигены, они не чистой расы, они полны болезней и микробов. Их надо уничтожить. Убить всех до одного. Либо сделать рабами. Они скоты – рус свинья! Шванк! Таисия всё равно искала ручку Витеньки. Ведь они дошли почти до речки, с той стороны раздава-

лись паровозные гудки – русские гудки. Витенька был рядом. Был живой. Она кормила его сахарным петушком.

– Ешь весь! Ешь! – сказала Таисия Витеньке.–

– Можно?

– Да, да, Скоро наши. Вот-вот!

Дети заснули, прислонясь к тёплому животу волчицы. Она их обороняла. Или им казалось, что нечто мягкое и шерстяное, как одело мамы Шуры, накрывало их?

Волки! Волки! Вот она оборона. Они прогонят немцев, они отравят Гитлера, они уберут эту гнусную войну. Русские волки отважные. Боевые волки! Не орки, а волки! Они отменят возврат фашизма, они сгрызут ваши каракули, ваши книги, ваши «Майн борьба», гитлерьё всё, они осудят вас в Нюрнберге! Они выстрелят вам в лоб ваш паршивый, укладывая в гробы чёртовые.

Наши волки – это любовь, история и политика.

Наши волки – это дух леса, это мёд.

Наши волки несут мир!

Это боевые волки справедливости!

…Смертность в Вырице была огромной – это видно и по меняющемуся ежедневно числу детей: в отчётах их значится то сорок, то тридцать два…50, то 42… детей закапывали прямо у леса. Одна. Две. Сто могил.

Эй, ты фриц, роди своих малышей и убивай их.

Накопи богатства сам и трать их.

Сам нарисуй полотна и любуйся ими.

Зачем тебе чужое?

…А вот вспыхнула эпидемия тифа в бараке, где были дети– немцы сожгли барак вместе со всеми его обитателями на глазах у жителей

…Помнят о некой бабушке, учительнице-пенсионерке, которая тайком собирала детей и старалась их обучить, хоть писать и читать…

Помнят некую женщину-врача, которая умела ловко лечить фурункулы, рассказывала детям о Боге, учила их молиться.

Были женщины из посёлка, кто приносил тёплые вещи детям, еду. Кто-то из них тайком воровал детей и приводил себе в дом, усыновлял их.

Это называется волонтёрством. Добровольчеством.

А ты? Ты чего носки не вяжешь? Еду не готовишь?

В Вырице когда-то жил батюшка Серафим…

Но он любил медведей.

И ещё лис.

И даже иногда волков…

Вот тебе и мёд вересковый.

Витенька! До конца дней буду разыскивать тебя, братец мой! Всю жизнь тебе отдам! Спомоги, Серафимушко!

Ясий наш!

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Ой, где ты мой, Витенька? Неужели ты попил воды из копытца? Где ты мой, братец? Мы с тобой шли-шли, я шла к тебе, ты шёл ко мне, мы шли вместе. Я тебя держала за руку, мы спешили, я умоляла, скорей, скорей!

Брось меня, шептал ты, я устал, я здесь посплю под кустом. Нельзя, нельзя, Витенька, тут волки ходят, съедят тебя. Не боюсь я волков, они добрые! Они Ганса не пустили в лес, они его за шею схватили и уволокли, куда подальше! За нами может быть погоня, когда нас хватится Верка-Верёвка! Нет-нет, не хватится, она рада будет, что нас не стало. Им кормить нас надоело, этой тыквенной похлёбкой с тухлой кониной. Они сами всё съедят, у них животы надуются, как шары.

Лети, лети, красный шар! Как на Первое мая, когда все мы выходили на линейку, мы пели песни, мы читали стихи. Потом нас усаживали за большой стол и кормили печеньем, пряниками и конфетами. Мы пили лимонад Москва и ситро Сибирячка!

Ой, Витенька, прошу тебя, ещё десять шагов вон до того дерева, там мы ляжем под кусток, съедим пирожок! Дети легли на подтаявшую землю, сквозь снег пробивалась трава. Они её рвали белыми пальчиками и жевали.

– А где пирожок?

– На! – Таисия разломила сухую корку, припасённую ею заранее.

Витенька облизал сначала край куска и затем только откусил сухарик.

– Вкусно! Но ты обещала пирожок!

– Будет тебе пирожок, когда речку перейдём. Тогда точно нас ни одна собака не обнаружит.

Река была неглубокая, примерно воды по пояс. Но её поверхность смёрзлась, кое-где покрылась льдом. Надо было аккуратно ступать, чтобы не соскользнуть в полыньку.

Прошло около часа, Таисия ждала, когда Витенька сморённый дремотой, сможет встать на ножки. Идём, идём, иначе кранты!

– Что такое полынька? – спросил брат, очнувшись.

– Это углубление между камнями и песком. Оно очень опасно, провалишься, вымокнет ботинок, простудишься…

Сколько опасностей грозило детям: волки, фрицы, полынька. Но Таисия понимала, что хуже, если их найдёт отряд лагерной фашни, снова утащит в барак и того хуже кто-нибудь из полицаев станет насиловать её. У них уже не осталось целых девочек, все были грубо и больно избиты, над каждой кто-нибудь да надругался. Эти звери только и умеют, что убивать русских детей. Нет и не может быть «добрых» фашистов, нет и не может быть прощения за надругательства, насилие, избиение пленных, убийства мирных жителей.

Запомни!

Запомнила?

А теперь повтори!

Губы коченеют. Руки трясутся! Повторяй! Повторяй!

Реку льдом как раз хорошо прихватило. Надо успеть до ночи перебраться к своим. В деревню. Постучаться в крайний дом. Таисия слышала, что бабку зовут Совихой. Она похожа на Ягу-костяную ногу, но у неё есть печь и какая-ни какая еда. И питьё. И даже можно попросить молока, хотя бы глоток для измождённого Витеньки, у которого фрицы выпили всю кровь. Выкачали. У него почти не осталось крови! А у Таисии вырвали всё чрево. У неё снизу – кровоточащая пустота. Позже в клинике врачи зашьют истерзанные девичьи прожилки, но сейчас идти было трудно, переступать, чулки были все в крови. Таисия почти теряла сознание, но тащила брата по льду. «Идём, идём, пирожка дам!»

– Пирожок, пирожок,– повторял Витенька и плёлся за сестрой, поскальзываясь, падая, ушибаясь и снова вставая.

Пирожка очень хотелось. С ягодами.

Иногда за детьми увязывалась волчиха. Она брела, принюхиваясь к запаху крови, к запаху детской мочи и слёз. Было страшно: дети ползут по льду, позади их, облизываясь и воя, крадётся волчица. Когда дети, изнемогая, приседали на бугорок, выпирающий возле берега, когда они сморились окончательно и, обессилев, легли на мягкий припорошенный снегом выступ, то волчица не раздумывая, присела рядом. Она своим мягким языком стала слизывать кровь, сочащуюся по ногам Таисии, она накрывала брюхом Витеньку, отогревая его тельце. Очнувшись, Таисия растормошила Витеньку, ещё, ещё немного! Но мальчик лишь приоткрыл глаза, но не стал шевелиться, тогда Таисия потащила его по льду за полы пальтишка. Остальные пять-шесть метров они пробирались ползком.

Совиха от страха вскрикнула, когда спустилась за водой к полынье. Дети – худые и окровавленные лежали на берегу. Она втащила детей на санки, с которыми она обычно ходила к речке, тяжело ступая, втащила детей на гору, затем вволокла санки во двор. Малец был недвижим. А девочка подавала признаки жизни, но ноги у неё были все в крови. Эко же её разорвали! Совиха растёрла мальца гусиным жиром, затем перенесла ребёнка на печь, укутала. Мальчик дышал с трудом, к вечеру у него начался жар. Девочку Совиха раздела, осмотрела её и поняла – плева разорвала, сгустки крови сочатся. И бабка, знающая толк в повивальном деле решила: зашить то, что ещё можно спасти.

– Ты словно тройню родила! – шутила она, ремонтируя девочку.– Что натворили эти развратники! Главное, чтобы заражение не началось. Гдей-то у меня пенициллин есть. Цела коробка! Счас двойную дозу тебе вколю!

Совиха до войны работала фельдшером в мед пункте. Кое-что знала по этой части. Да и повивалкой была не плохой. Как-то сказывала, что

более ста детей приняла. И все – богатыри. Здоровые. И живые. А воюют, как Боги! Как Аптерос – греческая статуя победы.

Всю ночь Совиха металась от одного ребёнка к другому. И там жар и тут жар. Уколы ставила каждые три часа, смачивали детям рты, поила отварами с мёдом. С тем самым ясием!

Наутро детям стало легче.

Но вот не задача: фрицы могли в любой момент придти, ибо наверняка хватились, куда дети делись? Того и гляди нагрянут! Что же делать? Как быть? Знала Совиха пару методов, как спасти детей: отвести их в лес и поместить в волчьи норы.

– Пирожка хочу! – попросил Витенька слабым голосом, когда Совиха вывела детей в лес, чтобы попрятать их.

– На! Ешь, малой! – бабка протянула мальцу сухую морковную лепёшку.

– С чем пирожок? – поинтересовалась Таисия, жадно проглатывая пресные куски.

– С ягодами!

– Какими?

– С дикими. Волчьими! Для крепости.

– А разве их едят?

– Конечно! Я ем через день! – Совиха поглядела на небо, где качались верхушки сосен.

– Почему не каждый день? – Таисия после болезни еле говорила. Голос пропал. Она произносила фразы шёпотом.

– Хорошего помаленьку!

Они прошли около двух километров или, как говорила Совиха, вёрст.

Она знала лес, как свои пять пальцев. Точнее шесть. Потому что она слыла шестипалой ведьмой. У неё возле мизинцев были шишки костяные, все сплетничали, что шестой палец. Вот вам! Вот вам! Грозила Совиха в сторону концлагеря. И это было хорошее фак-ю в сторону фрицев.

И ты еще защищаешь этих мразей? Ты – русская женщина из града Юрова? Поберегись волков наших! Сгрызут!

Совиха приказала детям: сидеть в норе до ночи, прикрывшись сухой травой и одеялами.

– Не вздумайте куда пойти! Сидите! Скоро наши войска придут. Освободят!

– А когда они придут?

– Птицы сказывают – ждать немного осталось.

– Разве птицы разговаривают?

– Конечно! Сороки на хвосте вести приносят… дрозды их из шишек выколупывают. А курицы квохчут: весной, весной…

– И ты, Совиха, слыхала?

– Намедни, когда в небо смотрела!

Бабка ещё раз сделал детям по уколу, ибо запасливой была, прихватила шприц и ампулы. Затем смазала им щёки дёгтем, чтобы зверей отпугивать хищных запахом. Накормила сушёными ягодами и дала по кусочку сухой курятины.

– Всё! – побегу я.– Там у меня коза-дереза одна-одинёшенька, последняя моя надежда на спасение. Манька! Завтра приду!

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю Совиха не появилась. Дети и плакали, и звали, и умоляли, но бесполезно… Совиха, Совиха, что же ты, детей обманула? Завела в лес и кинула там?

Дети изредка выходили из глубокой норы, пили из мартовской лужи воду, ели ягоды, что свисали с рябины-калины. Жевали ветки вереска. Утром нашли мёртвого ёжика и по очереди откусывали твёрдое желе с его живота.

Вскоре стало появляться первое мартовское солнце. Стали чаще прилетать сороки. И Таисия слушала их стрёкот:

– Самолёты, тар-та-та прилетают неспроста. Фрицы собираются в Германию разбегаются…

Слыхал, Витя?

А чё?

Сороки сказали, что немцы уходят из Вырицы.

Витенька сел на пенёк:

– Ты тоже птичий язык понимаешь?

– Ага. Совиха научила.

– Надо её проведать!

– Чуть подождём. И пойдём.

Но в доме, когда туда вошли дети никого не оказалось. Дверь нараспашку. Козы нет. Везде вещи валяются – какие-то старые лохмотья. В доме мыши по столу бегают. А за амбаром догнивает она, сама Совиха. Уже и головы нет, собаки порастащили. Живот мыши сгрызли. Хребет волки размотали по кустам, кишки кабаны слопали с голода. Таисия взяла лопатку и прикопала косточки Совихи со словами – ты нас спасла…сама не сберeглась. Видно, фрицы всё-таки нагрянули и убили хорошего человека.

Таисия затопила печь. Стало тепло. Уютно. Они забрались повыше с братом, обнялись и уснули. На следующий день девочка прибралась в избе, вымыла полы. В погребе нашлась еда, немного, но хоть что-то. В чугунке Таисия натушила капусты, напекла шанег с ягодами.

С волчьими.

Это очень полезно!

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ.

Сколь верёвочке не виться, а конец придёт!

Таисия узнала её. Она бы даже через сорок лет узнала это ненавистное лицо. Эти руки, держащие плётку. Эти удары по животу, шее, спине. Крики: рус свинья! Вопли: всё равно сдохнешь, гадина!

Таисия к этому моменту была очень хорошо натренированной женщиной. Умела стрелять. Знала приёмы дзюдо. Каждый вторник посещала секцию борьбы. У неё была тяжёлая, волчья хватка.

Она пристрастилась к охоте. К чёткости движений.

– Стой! – в два прыжка Таисия настигла, пытающуюся выскочить на ходу из автобуса женщину.

– Ну, чего вы там не поделили? – проворчал водитель. Были тяжёлые девяностые годы. Точнее конец восьмидесятых. В транспорте часто воровали кошельки, дрались и ругались пассажиры. Поэтому в таких случаях водитель останавливался, где попало и высаживал драчунов. Но на сей раз всё было по-другому: в лицо водителю смотрела синеглазая крепкого телосложения блондинка в синей куртке, она держала за шиворот упирающуюся беззубую алкашку.

– А? Украла чего-то это дрянь? – спросил водитель и не стал высаживать никого.

– Хуже! – ответила Таисия, еле сдерживаясь, чтобы прямо сейчас не расквасить морду Веры-Верёвки.– Я думала, она в ФРГ сбежала с немчурой поганой. А она по городу разгуливает. По столицам шастает!

– Ого! – зашумели пассажиры.– Из Нюрнберга сбежала?

Кто-то стал перечислять фамилии казнённых нациков: Геринг, Геббельс, Рудольф Гесс, Роберт Лей, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Ялмар Шахт.

– Ну, хватит, хватит, а-то меня сейчас вырвет! – выкрикнула одна из пассажирок.

– А ведь есть такие, кто защищает эту низость. Пишет – они ж тоже люди!

– Кто это? Стрелять таких надо. Или пожизненно сажать рядом в одну камеру: пусть знают, какие они тоже люди. Они – нелюди!

Таисия крепко держала за шиворот Веру-Верёвку.

– А эта чего натворила? Убивала? Грабила?

– Хуже! Ещё хуже! Сволочь нациская!

Автобус остановился. Люди поглядели по сторонам: вроде бы нет остановки. Водитель перелез через стойку и подошёл к Вере-Верёвке:

– Ты детей мучила? Да?

– Не-е…обозналась гражданка…я не-е…

Водитель со всего размаха врезал Вере-Верёвке по лицу. Кровь струйкой выкатилась из ноздри. Затем кто-то начал мутузить её со спины. Женщины навались и стали царапать её лицо, вырывая клочья кожи.

К приезду милиции (тогда эта была ещё не полиция) Веру-Верёвку хорошенько потрепали.

Водитель плюнул ей в лицо: гнить тебе в аду!

И самое странное, что, откуда ни возьмись, налетела стая диких собак, которые кольцом обступили толпу и стали протяжно выть: ешь её, ешь её…

Стражам порядка пришлось стрелять вверх, чтобы разогнать стаю.

Когда они услышали: кто перед ними, что за женщина, их лица стали суровее, скулы заострились. Достали наручники. И как последнюю убийцу Веру-Верёвку посадили в машину с решётками, увозя с места побоища.

– А вас, гражданка, Таисия Васильева, прошу следовать с нами на переднем почётном месте!

НЬЮ-НЮРНБЕРГ

Это был огромный зал, стадион, трибуны были все заняты, люди сидели молча, склонив головы. Им было стыдно за это стадо зверей, липнущее, как черви к своим креслам. Нельзя! Нельзя ставить стулья для мух и тараканов, для жуков и смрадных могильных опарышей.

Это не люди! Запомни – не люди!

Нет, в приличном помещении нельзя судить фашистов, в картинной галерее, лишь среди развалин амфитеатра, на обломках разместить их – карателей, где гниль, тлен, плесень – вот сюда пожалуйте, здесь, что черви ползайте! И тряситесь от страха перед повешеньем. Никаких расстрелов – это слишком гуманно. А сначала кирпичи потаскайте, брёвна, бетонные перекрытия, тяжёлые сваи на своих спинах. Поголодайте с полгода, посидите без воды и хлеба и чтоб вас, как Ганс, сношали тысячи шакалов, не людей, а самые лютые убийцы и маньяки, насильники, сумасшедшие. Но нет, мы люди – гуманные. Мы так не сделаем! И человек – «не скотинка», человек – это радость. Человек – это сила. Человек – это Небо! Европа в развалинах? Она сама себя развалила. Сама себя на колени поставила перед фашнёй. Она и не сопротивлялась, она вошла в сговор с гитлерьём. Им фюрер пообещал сладкое место, удобное кресло и разрушенный СССР. Его действительно развалили, но не войной, а хитростью. Вот что ни вождь-царь, то глупее глупого. Нет дара предвидения. То одного царя обманет Европа, то другого, то третьего, а как посыпалась Русь, тут же появились желающие с широкими карманами: присвоить чужое, украсть и съесть.

Какая музыка? Окстись! Здесь нет музыки. От слова совсем нет! Ты, музыкант, не знаешь, что такое музыка? Тогда иди в лес, найди куст ивовый, вырежи дудочку, высуши на солнце и приложи к губам. Ах, впрочем, всё равно поучилась пустота! Надо, чтобы получилась боль! Горе! Что такое это за явление – фашизм? Это жуткое, страшное намерение. Превосходство одного над другим. Это не умение ставить знак равенства, это не понимание что вокруг все такие же. Как ты. И ты, как все. И вот гляди: яма, в ней трупы. А ведь когда-то это были живые люди, они были.

Они любили, желали, они ходили на работу, рожали детей – этих розовых куклят счастья. Люди – не простые, это люди Божии создания. Подобие Его! А ты пришёл и сказал: нет, я лучше, я первого сорта. Они второго. Они аборигены. Ты протянул им бусы стеклянные и взял их землю, жён, детей. Угнал в концлагерь. Ты решил, что можешь так поступать, что ты избранный. А кто тебя избрал, как ни ты сам?

Я видела таких людей и в нашей жизни – они считают, что лучше видят, слышат, чувствуют, пишут. И верят в это. Не верь, не верь, глупая баба из Юрова! Верь штиблетам – целой корзине обуви стоптанной, снятой с ног убитых. Верь зубам, вырванным изо рта этих несчастных людей. Верь черепам, гниющим в земле. Верь вопиющим кадрам чёрно-белой плёнки. Гляди! Гляди! Да глазёнки-то не отворачивай. Вот так бы подошла да морду твою широкую большую, не по-женски толстую, ткнула бы в эти тазы, корзины, лохани, корыта, вагоны смертей!

А ещё волосы женские, косы, локоны кудрявые!

Таких нет у немок – ибо все немки почти лысые, коротко стриженные. Вода-то у них мутная в их Рейне, от этого волосёнки жидкие, как мышьи хвосты. Поэтому русские косы срезали, из них парики делали! Сука! Отдай назад косы наши, волосья пышные, русые, русские, казахские, татарские, дагестанские! Ты мучал русских людей. И ты в Осло. И ты издатель журнала, дающая премии Эрнста…как его там…

В это время раздался визг колокольчика. Вывели Веру-Верёвку, посадили в клетку. Вот там тебе и место. Засветился экран – узкая пленка, на ней кадры за кадрами. Лагерь, где измывались, издевались над малышами. Что они тебе сделали, баба из Юрова? Они ж дети! Они недавно родились. А вы их согнали в бараки холодные, не отапливаемые. Хотя бы печь догадались изладить, соорудить, или детей не жалко? Не своих-то? Чужих, на русском говорящих? На белорусском языке? На казахском? Дагестанском? Аварском? Дети никогда не говорят: я умру! Дети не знают этого слова. Ибо ребёнок и смерть – не совместимые понятия. Они горюют, если увидят дохлого котика, рыбку, лягушку. У них болит сердечко. Но они верят, что это временно, что как в сказке утром птичка оживёт, рыбка уплывёт, котик убежит в лес. И все, всегда будут живы.

– Эй ты, чучело окаянное, чёрт лысый, мразь и сволочь, не хочу знать имени твоего, не хочу говорить «Герман Геринг»! Ты – жутко, страшно, бесчеловечно и погано виноват. И ты приговаривается Божьим Судом к смертной казни! Тебя мало повесить! Тебя надо сначала долго и больно резать на кусочки, шинковать на фарш и лишь потом сказать «через повешение»! И это будет гуманно, что сначала ты должен пройти все девять кругов ада. Чего, ты говоришь последнее слово? Какое такое слово? Ты сказал его давно, когда стал пособником гитлерья! Глаза…у него глаза вспыхнули…? Что к этой нелюди не применимы слова – свет, луч…Нет! Это была тьма, сплошная адова тьма. А самое смешное, что

они раскаивались, потели, мямлили – я исполнял приказ начальника. Ты должен был достать пистолет и выстрелить в своего начальника. Понял?

Они были мертвы тогда – эти люди, когда родились. Их убить, значит, похвалить. Дать последнее слово, значит, признать, что чудище разговаривает.

Что за город? Где мы? В Киеве! Говорит Вера-Верёвка. Их всех судят там теперь! Всех. До одного. Большая площадь, размером с футбольное поле. На трибунах люди. Они плачут по погибшим. Бабушки, матери, отцы. У них есть Аллея Скорбных Журавлей. Ибо дети – это журавушки. Летящие, каждый год, в тёплые страны. И слёзы текут по щекам обездоленного человечества.

– Я беременна. Меня нельзя вешать… – произнесла Верёвка. Она судорожно пытается зацепиться хотя бы краем взгляда на спасение. За соломинку. За нитку. Но видит лишь столы, устеленные красными скатертями, на них большие бутыли с водой, люди пьют эту воду, хватают ртами капли и плачут по погибшим безвинным существам.

– Я рожу…когда-нибудь…я восполню все потери. Я нарожаю тысячи… Дайте мне шанс. Каждому, кто потерял ребёночка, я дам нового…чудесного, розового, младенца-крепыша… здорового. Те дети были больны. Ибо… ибо…не чистая раса. У меня чистейшая, арийская кровь, норды. Вы знаете, кто такие норды? Это почти-то укры, несуществующий народ! Это иное население: они, как англо-Саксы, германские народы, Балты, балтийские финны, северные французы и кельты, и даже славяне. Главное – у них синие глаза. Белые волосы. Розовая кожа. Угловатая челюсть. И рост! О, они высокого телосложения, косая сажень в плечах, и череп! Широкий. Он особенный – долихоцефальный череп! Они умны. Правдивы. Честны. Если лгут, то румянец покрывает щёки. Это особые люди! Нордизм! Читайте – Уильям З. Рипли, Карлтон С. Куна, читайте антрополога Джозеф Деникера, а именно то, что есть северо-западная, суб-нордическая, вислоухая и субадриатическая соответственно раса!

– А ещё Генри Кина "Человек, прошлое и настоящее", датчанина, где показан как пример нордического типа! – кто-то выкрикнул из зала. – Знаем мы все ваши теории! И по кавказскую подрасу тоже! И тевтонскую!

– А ещё: в книге "Расовая наука о немецком народе", опубликованной в 1922 году, Ганс Ф. К. Гюнтер выделил пять основных европейских рас: альпийскую-динарскую расу.

– Молчите! Молчите! – Таисия схватилась за голову. – Это заразно. Сейчас вы начнёте орать про депигментацию! Про орков! Все фильмы написаны не случайно. И детям теория навязана про исключительность!

– А ещсчё еси поляки! – выкрикнул кто-то с трибуны. Некоторые судмедэксперты, патологоанатомы и антропологи производят теорию разделения европеоидов: на нордические, на альпийские и на средиземноморские, основываясь на их черепной антропометрии…

– Они же вас всех нас делят… всех…меряют черепами…всех…

– Они фашисты!

– К пожизненному заключению!

– Нет! Нет! Найн! Я беременна!

Вера-Верёвка падает в обморок, медленно сползая по решётке вниз на камни.

Голова её тяжело стукается о металлический выступ.

Таисия медленно привстала, затем поднялась на ноги. Все люди враз обернулись на тяжёлый крик, плач, они взывали к этому горю, они поняли: как жутко Таисии, как ужасно

– Прости меня, – из горла Верёвки вырвался шёпот. Оно походило на шипение.

Он треснул пополам этот голос. Он, как ребенок, был этот голос, он умирал и ему надо было выкопать могилку и стен концлагеря. И голос просил у матери своей, у постыдной, как зверь, просил прощенье.

– Прости меня!

Люди услыхали. Подняли руки вверх: они были слабы на милосердие. Они готовы были простить. Они были слабы и храбры одновременно

– Нет! Не бывать этому.

Вера-Верёвка начала тужиться, её живот ходил ходуном. Она, как беременная паучиха, которую вот-вот раздавят тапочкой, тут же производит на свет потомство. И тысячи мохнатых паучков разбегаются в разные стороны. Вера-Верёвка рожала пятнадцать тысяч пауков, ровно столько же скольких забила насмерть.

Это были не люди.

Это были насекомые.

Они разбегались во все стороны сразу.

Но не время КАМНИ РАЗБРАСЫВАТЬ

Пусть себе лежат.

Кучкой.

Надя решила в её первый законный отпуск навестить Таисию. Она её ласково мысленно называла старушечкой.

– А ты знаешь, я замуж вышла! – встречая Надю на пороге квартиры, выпалила Таисия. Её лицо собралось в сплошную массу морщин от восторга и радости. «Вот тебе и старушка!» – подумала про себя Надя, протягивая подруге коробку с тортом.

– Это к чаю! И, так сказать, небольшой подарок! – Надя приобняла Таисию за плечи. – За кого же ты вышла и так скоропалительно?

– За Бердюжского.

– А кто это? Профессор?

– Обычный простой человек. Друг детства.

Женщины сели на диван.

– Пора познакомится! – Василий вошёл в комнату. Это был плечистый ухоженный дедушка. Слова он произносил громко, с выражением.

Надя кивнула. Она не ожидала попасть на семейное торжество. Ей просто хотелось поболтать немного с Таисией. Она ей казалась такой тёплой радушной женщиной, с такими легко отводить душу, делиться секретами. Тайнами. Особенно Наде хотелось поведать о том, как Верка-Верёвка сама собой схоронилась под грудой насыпи. Но Надя подумала: зачем? Какой смысл? Пусть Таисия думает, что дело закончилось петардой в суде.

– И знаешь, Витенька нашёлся! Он жив!

– Да? – Надя присела к столу, бережно накрытому по случаю её прихода в гости.

– Мне Василий помог! У него оказались хорошие друзья-поисковики. И я уже с Витенькой общалась по скайпу!

В это время Василий обнял Таисию. Прижал её к себе и звонко чмокнул в щёку. Он взял её руку в свою ладонь и начал поглаживать: Счастье моё! Девочка моя! Чудесная милая!

– А ты как, Надя? У тебя всё хорошо?

– Ой, я в театре костюмершей подвязалась. А тут на меня нашло, я пьесы придумывать начала…

– И как?

– Довольно удачно. Дракин взял немного из моих сочинений в свой сценарий…

Василий продолжал нежно гладить жену, что-то приговаривая ей на ухо и дыша в щёку.

– Голубки мои! Надо же, оказывается действительно, что любви все возрасты покорны…

Чай был выпит. Торт съеден.

И Надя решила: пойду-ка я домой! На прощание она обняла Таисию и чмокнула её в щёку.

«Какой счастливый конец у этой пьесы…даже не верится, что так бывает в жизни! Если Юрию Дракину рассказать – не поверит!»

Но он поверил!

Во всё, что ни рассказала ему Надя, во всё, что та посетовала. Ей было можно всё: сочинять, фантазировать, врать, философствовать! Всё это было похоже на продолжение спектакля. И даже рождение Олей дочки, тоже было частью пьесы, в которой Дракин играл роль обольстителя.

Взяв на руки беспомощное существо по имени – это твоя дочь, Дракин расчувствовался и произнёс: «Теперь я понимаю всех сценаристов мира с их тупыми свадьбами в конце каждого сериала. И поэтому я сам хочу… Хочу жениться!»

КАМНИ

Это таинственные талисманы…
Это огненные души.
Это сцепившиеся друг с другом окаменелые существа.
Мы тоже камни.
Есть камни любви. Ненависти. Сострадания. Нежности. Дружбы.
Они особого цвета.
Чёрные камни – это предательство.
Красные камни – вера и братство.
Камни зелёного цвета – плодородие.
Синего – космос.
Жёлтого цвета камни – прилетевшие из космоса радости.
И все камни – это немного пух.
Немного воздух.
И земля.
Из камней созданы Арес – бог войны.

И Аптерос – победитель. Если они обнимутся и помирятся, то воцарится равновесие мира. Если они сделают шаг навстречу. Если они забудут фантомные свои обиды и горечи, если они преклонят колени друг пред другом, то огромный млечный огненный путь прольётся мёдом из той самой вересковой почки.

Вот Арес сделал шаг. Его каменная нога поднялась в марше и опустилась всей ступней в сторону Аптероса.

Вот Аптерос также сделал шаг. И замер. Но скоро, очень скоро они снова пойдут навстречу друг другу. Ибо каждый шаг бывает лишь раз в столетие. И мы помним это. И, может, именно ради этого живём.

Здравствуй, друг!

М.А. ЧИРИКОВ (НИЖНИЙ НОВГОРОД)

ПАРОХОДЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Е.Н. ЧИРИКОВА

Евгения Николаевича Чирикова еще при жизни называли певцом и бытописателем Волги. Прожив долгое время в различных волжских городах, Чириков в своих письмах и произведениях подробно описывал жизнь волгарей, особенности их характеров и быта. Неотъемлемой частью картин Волги были пароходы, входившие в сюжетные линии его романов, повестей и рассказов. Многое для своих сюжетов Чириков находил на борту пароходов, когда переезжал с места на место или просто путешествовал по Волге. В письмах писателя и его произведениях указаны подлинные названия судов, ходивших в конце 19 – начале 20 века. Эти пароходы стали настоящими литературными героями Чирикова со своей атмосферой, правилами и традициями. Реальная судьба пароходов, описанных Чириковым, сродни судьбе человека. Кто-то пострадал в аварии, кто-то, достаточно потрудившись, ушел на пенсию и доживал свой век, ржавея на берегу. Кто-то после революции потерял данное при рождении имя и превратился из «Боярина», «Дворянина» или «Княгини Ольги» в героев Советской власти… Об этих пароходах, их литературной жизни и реальной судьбе и пойдет речь в докладе. Первое впечатление о волжских пароходах связано у Евгения Николаевича с ранним детством в городке Сенгилей Симбирской губернии. В своих воспоминаниях он пишет: «Я родился очень влюбчивым мальчиком. До гимназии был влюблен в свою маму, а вот теперь, в первый же приезд домой, влюбился в Леночку Михайлову, дочь инженера водных путей сообщения, которого жители называли просто «водяным». Влюбился в дочь водяного! У водяного свой служебный пароход «Стрела», и мы с Леночкой на каникулах – его бесплатные пассажиры.» Из истории волжского пароходства узнаем, что пароход «Стрела» на Волге принадлежал купцу Кунгину, владельцу еще одного пассажирского парохода «Два брата». Фотографий «Стрелы» не сохранилось, но сохранились детские впечатления Евгения Чирикова о речных прогулках, которые эхом отозвались в рассказе «Сказка»: «Все сказки моей жизни связаны с Волгой. Это мой огонёк, у которого я люблю отдохнуть, посидеть, погреть усталую душу воспоминаниями и погрустить в розовых сумерках ласкового заката… […]

Дышишь и не надышишься, смотришь и не насмотришься… […] Бежит за пароходом трепетная дорога и качает на своей волне быстро убегающую назад лодку. Над кормовой мачтою застыла белая черноглазая чайка с поджатыми красными лапками. Синий дымок уже закурился на лениво проплывающих мимо плотах…

Эхо берегов возвращает глухой и мягкий, успокаивающий стук пароходных колёс; откуда-то снизу слышен говорок на «о» и обрывок тоскливой русской песни, вытягиваемой сиплым тенорком замухрысчатаго мужичонки; где-то побрякивает чайная посуда. Тянет перегретым паром и машинным маслом. Слабо вздрагивает весь пароход и баюкает, баюкает жалобный скрип рулевой цепи…

В юности любил сидеть на носу, теперь люблю – на корме.

Сидишь, смотришь на убегающие горы, на румяную воду, на чайку над мачтой… Когда-то всё это уже было… Точь в точь также: и стук колёс, и «говорок», и белая чайка, и тоскливая песенка… Когда?.. Очень давно, когда был юн и любил смотреть только вперёд… […]»

Прошло детство, наступила юность, о которой Чириков писал: « В старших классах гимназии у моей любви появилась опасная соперница. Имя ее – Революция. Любовь и Революция постоянно переплетались и соперничали.» В молодости Чириков рано попал под влияние революционных идей, стал активным участником общественной жизни и надолго попал в разряд «неблагонадежных». За участие в студенческой сходке в 1887 году был исключен из Казанского университета, после этого испытал ссылки, тюрьмы, запрет на проживание в университетских городах России. Поэтому неслучайно, что в жизни Евгения Чирикова был и другой пароход – арестантский. В начале 1891 года в Астрахани Чириков, не имевший уже ничего общего с революционерами и впервые в жизни увидевший незнакомого ему «политического авантюриста» младонародовольца Сабунаева, по-человечески пожалел его и дал возможность переночевать на своей съемной квартире. Полиция, которая уже вела слежку за Сабунаевым, арестовала обоих и отправила арестантским пароходом в Казань.

Из воспоминаний Евгения Чирикова:

« Таков закон интеллигентских судеб: раз молодой человек получил штемпель «политически неблагонадежного», раз он получил тюремное крещение, ему почти не было возврата.. и вот теперь я, как зверь в передвижном зверинце, сижу на арестантском пароходе с обнесенной проволочной железной сеткой палубой и еду в Казань.» Арестанты перевозились тогда между Нижним Новгородом и Астраханью на пароходах «Крестьянка» и «Крестьянин», «Царевич» и «Царевна». Они принадлежали пароходному обществу «По Волге» и были специально оборудованы для перевозки арестантов.

Рассматривая сохранившуюся фотографию парохода «Царевич», мы можем представить молодого писателя на его палубе в толпе заключенных.

Чириков был доставлен в Казанский тюремный замок, где провел 4 месяца, а потом за неимением доказательств преступления отпущен.

Все это время передачки в тюрьму ему носит юная Валечка Григорьева, родная сестра известного революционера Михаила Григорьева. В неё Евгений влюбляется глубоко и на всю жизнь. После выхода из заключения он делает ей предложение, которое 17-летняя гимназистка принимает.

В августе 1892 года состоялась свадьба Евгения и Валентины. Они какое-то время живут в Казани. Чириков работает секретарем газеты «Волжский вестник». За 1892 год было опубликовано более 40 его стихотворений, фельетонов и рассказов! С рассказом “Gaudeamus igitur” он впервые выходит на страницы столичного журнала “Русское богатство”.

В конце 1892 года молодые переезжают в Алатырь, где родилась первая дочь Зоя, которая вскоре умирает. Но горе еще больше сплачивает супругов. Отношения между ними всю жизнь были наполнены любовью, уважением и заботой друг о друге. Об этом свидетельствуют их письма друг другу разных лет, сохранившиеся в семейном архиве Чириковых. Некоторые письма были написаны непосредственно на пароходах, а иногда пароходы использовались Чириковыми как средство доставки писем. В письмах звучат названия многих пароходов, в них описывается атмосфера и уклад пароходной жизни, пассажиры и члены команды.

Вот отрывок из письма Валентины Георгиевны мужу, написанного на пароходе «Пермь» 15 сентября 1893 года и отправленного из Нижнего Новгорода в Алатырь:

« Мы едем с мамой в первом классе на Любимовском пароходе. Сейчас пишу в рубке. Народу масса – пермяки и все молодежь – играют в карты. Денег у меня в кармане всего 2 рубля, но я все-таки рассчитываю пообедать. […] Милый мой Женек! Дорогой мой! Что-то ты сейчас поделываешь – вероятно, пьешь чай (сейчас около 4х часов) и вспоминаешь меня – скоро мы будем вместе, вдвоем и будем счастливы! Боже, как хорошо! Я люблю тебя, мой милый, дорогой и вспоминаю почти каждую минуту.»

Что может нас заинтересовать в этом письме с точки зрения знакомства с пароходом?

Валентина Георгиевна указывает на то, что пароход «Пермь» принадлежал известным судовладельцам братьям Любимовым. Кроме парохода «Пермь» Любимовым принадлежало еще 5 пароходов. «Пермь» был спущен на воду в 1869 году и ходил по маршруту Пермь – Рыбинск. Валентина Георгиевна с матерью едут из Нижнего Новгорода в 1 классе. Вот, как описывает условия 1 класса на пароходах этого типа В. И. Виноградов: « Пассажирские пароходы устроены прекрасно. Почти на всех электрическое освещение. Для пассажиров I и II классов имеются отдельные каюты для дам и для мужчин и отдельные семейные каюты. Каюты I и II классов помещаются на палубе и в холодное время отапливаются паром. На пароходах имеются аптечки, ванны, постельное бельё, новые журналы,

газеты, рояли, библиотеки. Буфеты на пассажирских пароходах вполне удовлетворительны и недороги. Вина русских и иностранных фирм.»

«Билеты продаются на всех пристанях и на самих пароходах, а в Нижнем Новгороде даже на станции железной дороги. Багаж со станции железной дороги до пристани переносится бесплатно. Каждый пассажир имеет право бесплатно везти на пароходе подушку и чемодан весом не более 20–40 фунтов (8–16 кг). За остальной же багаж оплата по таксе. Пассажир может занимать место на пароходах или помещаться в пассажирском отделении пристани накануне дней отхода пароходов.»

Валентина Георгиевна пишет письмо в рубке. Сейчас рубку мы называем салоном. Там пассажиры первого и второго классов любили собираться компаниями: общались, играли с детьми, в карты, пили чай, читали книги. Рубки могли быть закрытыми с большими окнами и открытыми (под тентом). У Валентины на руках всего 2 рубля. Хватит ли ей этих денег, чтобы пообедать? Давайте заглянем в меню для пассажиров 1 и 2 классов. Из письма понятно, что в момент его написания было 4 часа дня. В это время в ресторане парохода действовал комплексный обед (с 14 до 18 часов). Обед из 4х блюд стоил 1 руб. 50 коп., 3х блюд – 1 руб. 25 коп., из 2х блюд без чая или кофе – 1 руб. Валентине явно хватает денег на полноценный обед, но она едет с мамой. Значит надо рассчитать на 2х персон. Получается, что хватит только на обед из 2х блюд или на две порции щей по 60 коп., или борща по 75 коп, или отбивные котлеты по 1 рублю.

Не густо, зато приятно проведут время в красивом ресторане. Главные герои многих произведений Е. Н. Чирикова были, в основном, пассажирами 1 класса. И Тарханов с Зоей на пароходе «Гоголь» в тетралогии «Жизнь Тарханова», и Кудышевы в романе «Отчий дом». По описаниям Чирикова, пассажиров этой категории в основном окружали пошлость, греховность, скука и безделье. Пассажиры играли в карты, читали пошлые стихи, выпивали, рассказывали скабрезные анекдоты, ухаживали за одинокими женщинами… Чириков часто противопоставлял пассажиров 3 класса, где кипела настоящая, подлинно народная жизнь, в укор богатой, сытой и избалованной публике 1 класса. Вот небольшой отрывок из романа «Отчий дом», когда компания молодежи отправляется на пароходе «Аввакум» на озеро Светлояр.

«Прогудел последний свисток, и «Аввакум» начал отчаливать от пристани… По реке уже мерцали красные и желтые огоньки бакенов, фонари на судовых мачтах. И в городе, уплывавшем назад, тоже мигали уже огоньки окон. И вот и пароход, и все люди на нем словно оторвались от земли и повисли в синих сумерках опускающейся летней ночи. Все успокоились, разместились по каютам, уютно устроились и почувствовали себя как дома. Весь первый класс населен только своей, «чистой» публикой.

ФОТО РУБКИ С ПИАНИНО

Рубка – как общий зал в своем доме. Матрос притащил самовар. Повар забарабанил ножами – готовит вкусный ужин. Ваня развертывает свой подорожный буфет с винами, водками, закусками, фруктами, со всякими деликатесами. Полная чаша! Первоклассная компания вкусно и сытно покушала и занялась музыкой. Наташа захватила с собой партитуру оперы Римского Корсакова «Град Китеж». Вздумали спеть хоровой номер. Вышло совсем недурно. Звучало так торжественно, молитвенно. И вот что случилось во время этого пения. Окна в рубке были занавешены опущенными шторками. Во время пения Ваня Ананькин приподнял шторку и заглянул в окно: под окном стояли богомолки и молились под их хоровое пение. Свет электрической лампочки освещал лица молящихся: на этих лицах светилось религиозное умиление, женщины молились широким размахом и, возводя взоры к небесам, что-то шептали губами.

– Господа! А ведь люди то молятся под оперу! – обернувшись, сказал Ваня с улыбочкой, и всем сделалось смешно. Только Наташа почувствовала неловкость и застыдилась. Перестала петь и хлопнула крышкой пианино.

– Почему? Продолжайте! Пусть их молятся…

– Нехорошо.

– Почему – нехорошо?

– Объяснить не могу, но чувствую. Мы забавляемся, а они…

– Они думают, что мы молебствие служим!

– Бросим, бросим… Нехорошо.» Пароход «Аввакум», на котором отправились герои романа, существовал в реальной жизни. Он принадлежал Кашиным – знаменитой династии судовладельцев, яркой представительницей которой была Мария Капитоновна Кашина (1857–1916) – нижегородская предпринимательница, прототип Вассы – героини пьесы М. Горького «Васса Железнова».

Евгению Николаевичу посчастливилось в 1907 году проехать вместе с Кашиной на ее пароходе до Казани. И вот как он описал ее в своем письме:

«26 апреля 1907 года, г. Казань

Еду на Кашинском в 1 классе. Публика: двое каких-то чинуш и сама Марья Капитоновна Кашина… Это единственная услада! Вот бабища! Пудов 10 весу, говорит, как мужик, «выражается», деловая… На каждой пристани к ней идут с докладами, а она так ловко разговаривает, что хохотать хочется.»

История Кашиных и их парохода «Аввакум» настолько яркая, что стоит остановиться на ней подробнее.

Пароходство Кашиных было основано в 70-х годах XIX века. Всё началось с того, что в Нижний Новгород явился ярославский крестьянин Михаил Кашин, который почти полжизни был крепостным. Еще живя у барина, его отец сумел сколотить небольшой капиталец. На эти деньги молодой Кашин построил в компании с неким Константиновым буксирный

пароход «Манифест». Вскоре ярославец продал свою долю компаньону и заказал в Перми пассажирский пароход «Аввакум», названный так в честь его деда.

С этим пароходом Михаил Кашин и начал ходить по Волге. Он был и хозяином, и капитаном, и приказчиком, а на берегу – пристанщиком.

Прошло двадцать лет, и Михаил Кашин из деревенского мужика превратился в барина – купца первой гильдии. Волгу уже бороздила целая флотилия его пароходов, во главе которой стояла двухтрубная «Мария», названная в честь его супруги. Другие суда, поменьше, назвали в честь детей («Анюта», «Михаил», «Матвей», «Анна» и др.)

С самого начала супружеской жизни Мария Капитоновна помогала мужу: работала кассиром и ревизором на пароходе. Постепенно, с расширением дела, она стала вникать во все подробности, фактически встав на равных с мужем в прибыльном семейном бизнесе.

Богатство не на шутку вскружило голову бывшему крепостному. Постепенно пароходные дела для Михаила Кашина отошли на второй план. Все ночи напролёт он просиживал в притонах, развратничал, пристрастился к картишкам. Иногда за несколько часов он спускал тысячи. Однажды он проиграл свой пароход «Маруся». Сводни часто приводили к подпившему Кашину малолетних девиц.

В 1895 году в возрасте 58 лет Михаил Матвеевич Кашин был привлечен к уголовной ответственности за растление малолетних, но до суда растлитель не дожил – умер от болезни. А. М. Горький в своей пьесе, как известно, усилил этот трагический аспект: драматург заставил героя принять яд по настоянию жены, дабы спасти семью от позора. Суд состоялся лишь в 1897 году, когда Кашина не было в живых.

Устроив супругу пышные похороны, Мария Капитоновна тут же взяла в свои руки управление пароходством. По свидетельствам современников, она отличалась недюжинным умом, деловой хваткой, отлично ориентировалась в делах. При ней открывались новые линии, строились пароходы, арендовались дополнительные участки под пристани.

К 1900 году флот Кашиной насчитывал девять пароходов.

Однако с течением времени начались неудачи. Трудные навигации 1909–1910 года привели к тому, что целый ряд судоходных предприятий ликвидировали свои дела. У Марии Капитоновны за недоимки были описаны три парохода «Мария», «Надежда» и «Аввакум». На этом история «Аввакума» теряется. Если верить М. Горькому, то «деловая женщина» Мария Кашина, не нашла в своих детях опоры для продолжения семейного бизнеса. Здоровье её серьёзно пошатнулось, а сыновья Михаил и Павел, получив университетское образование, оказались неспособны заниматься столь хлопотным делом. В 1913 году пароходство пришлось продать. Мария Капитоновна Кашина прожила еще три года и умерла в сентябре 1916 года в возрасте 59-и лет.»

Чириков хорошо знал закулисье пароходного бизнеса, но оно его мало интересовало. Для него пароход и пребывание на нем носило сакральный смысл. Это был место, где писатель чувствовал свою тесную связь с волгарями и волжской природой, место, где рождались его образы и сюжеты. Во многих волжских рассказах носителями памяти народной, древних легенд и рассуждений о Боге, мироздании и вообще о жизни были самые бедные пассажиры, которых часто называли «гуртовыми». Вот как ярко и точно Чириков описывает этих пассажиров в рассказе «Девьи горы»: « Перед Петровым днем на волжских пароходах бывает великая сутолока: трудовой люд из приволжских и внутренних губерний огромными артелями и в одиночку плывет на заработки. По обыкновению, большинство едет на авось, понаслышке про высокие цены на косьбу и жнитво, поэтому одни плывут вниз, пробираясь в Донские степи, другие плывут вверх, "где – сказывают – хорошо платят помещики". Самое доходное время для пароходчиков. Пассажир гуртовой и самый нетребовательный. Этим пассажиром забивают нижние палубы. Гудит палуба от гомона и говора, от споров на религиозные темы, хохота, ссор и хоровых песен. Много люда темного, а попадаются и "бывалые", всю жизнь свою бродяжничающие в поисках лучшей доли, напоминающие "кладоискателей", неугомонные идеалисты, верующие до сих пор в царство с молочными реками и кисельными берегами, фантазеры, мечтатели, неграмотные поэты, искатели "правды Божией"… С виду – серо, темно, все под одну сермяжную краску, а приглядитесь попристальнее, вслушайтесь повнимательнее – и перед вами раскроется красочный мир народной души…»Самые яркие герои волжских рассказов и сказок Чирикова – люди из народа, настоящие волгари, связавшие свою жизнь с великой русской рекой. Для них пароход, баржа, лодка-дощатник с парусом – это дом, семья, средство существования и целый мир, наполненный чувствами и образами. Сам пароход становится для них живым существом, с которым можно общаться, которое вызывает то восхищение, то страх, то воспоминания. Вот вахтенный Кирюха в рассказе Чирикова «На стоянке», коротая ночь на посту, видит приближающийся пароход.

« Стук колес слышался все отчетливей и отчетливей, а потом вдруг выдвинулся из-за горы, и словно застыл на месте и самый пароход. Корпус его гордо поднимался над водою и, белый, блистающий огнями, разрезал своим носом и будоражил колесами волжскую гладь…

Кирюха встал к борту, широко расставил ноги и устремился взором на быстро скользивший и выраставший пароход, который, казалось, надвигался с какой-то суровой решимостью прямо на баржу и грозил уничтожить ее вместе с Кирюхой… Кирюха не мог пропустить парохода без замечания; продолжительное одиночество породило в нем желание с кем-нибудь перекинуться словом: «Эй!.. Пра-хо-о-од! – пустил Кирюха высоким тенором.– Пра-хо-о-д!.. Ось-то в колесе-е!..» При этом Кирюха замахал картузом и подмигнул пароходу.

Но пароход совершенно игнорировал Кирюхины остроты. Он прошел почти вплотную деловым, серьезным образом, с шумом, стуком и пыхтением, мимолетно и презрительно взглянул на парня своими яркими электрическими огнями, пахнул ему в лицо дымом, перегретым паром и нефтью, и удалился, оставляя за собою длинную ленту дыма из трубы и серебрившийся хвост взбудораженной воды, расходившийся из-под кормы на две стороны… Прошел и закачал на волнах и баржу, и Кирюху с возраставшею силою.» На пароходах в произведениях Е. Н. Чирикова разыгрываются самые разные сцены: от романтично-любовных и комических до религиозных и подлинно народных. Здесь рождаются и передаются из уст в уста волжские легенды.

Из рассказа «Девьи горы»: «В конце июня, плыл я из царства Казанского в царство Астраханское и по пути услыхал волжскую сказку про "Девьи горы". Это было где-то под Вольском. Классная публика была неинтересна: все больше чиновники, тратившие время исключительно на уху из стерлядей, селянку и винт; две пожилые дамы, все время вязавшие какие-то косыночки и разговаривающие о квартирах и телятине, да молодая парочка, поглощенная взаимностью, уединявшаяся и несклонная к знакомствам и разговорам… Скучно! И вот я покинул "чистую публику" и, сойдя на нижнюю палубу, стал бродить здесь, с трудом пробираясь между спутавшихся ног и рук… В одном месте поют грустную песню, поют, словно хором плачут.

На корме словно торжественное заседание. Народу сбилось! Что там такое? Спорят об антихристе.» Легенда, услышанная Чириковым на палубе парохода, стала основой не только рассказа, но и киносценария одноименного фильма. Советской властью фильм «Девьи горы» был запрещен из-за религиозности сюжета и сходства внешности Иуды с В. И. Лениным. Но в неурожайный 1921 год этот фильм был отправлен на Запад для сбора средств голодающему Поволжью. Фильм, олицетворявший русскую душу и православие, народную культуру и традиции, помог спасти не одну жизнь волгарей от голодной смерти.

Особое место в произведениях Чирикова занимали капитаны пароходов. С нескрываемым уважением и восхищением писатель описывал эту особую касту волгарей: солидный внешний вид, заботу и особое внимание к пассажирам, строгость и требовательность по отношению к команде. Писателя интересовала судьба реальных капитанов, которая переходила потом в судьбы его литературных героев. Главным героем рассказа «Сон сладостный» является бывший капитан пассажирского парохода Павел Иванович Неверов. Действие проходит в одном из любимейших мест писателя в городке Плес, где Чириковы одно время даже хотели построить или купить дачу по соседству с дачей друга семьи певца Федора Ивановича Шаляпина. Из письма Евгения Николаевича от 11 августа 1916 года мы даже знаем, когда, для чего и на каком паро-

ходе Чириковы прибыли в Плес, а потом отправились дальше в Нижний Новгород: Здравствуйте! Плывем с Валеткой на «Минине» О-ва «Русь» из Плеса, куда приплыли на «Дворянине»… Завтра в 8–9 утра будем в Нижнем.» Наверное, неслучайно главный герой рассказа, описанный автором с такой теплотой и любовью, живет именно в Плесе. Красивая, благородная душа капитана нашла покой в живописном месте, которое радует глаз и располагает к воспоминаниям и размышлениям.

«Проезжая нынешним летом мимо Плеса, я по обыкновению искал его взором среди толпившейся на конторке публики; сойдя с парохода, потолкался среди нее, но Павла Ивановича не нашел. Мелькнула мысль забрать свой чемодан, сойти с парохода и, взяв носильщика, отправиться на горы, к знакомому домику с надписью: "Дом потомственного почетного гражданина Павла Ивановича Неверова". Быть может, я и привел бы свою мысль в исполнение, но пароход дал третий свисток, и я махнул рукой.»

Жизнь Павла Ивановича похожа на карьеру многих капитанов-волгарей, связавших свою профессиональную судьбу с Волгой. Многие из них перенимали профессию от дедов и отцов, находясь с ними на пароходах с раннего детства.

Из рассказа о себе Павла Ивановича Неверова: «Видели бы вы, каким ухарем я в молодости был, когда рулевое колесо на пароходе вертел? Дикарь был, из лесной берлоги вылез. Отец на Ветлуге лесом промышлял, а раньше тоже в лоцманах ходил. Вот по отцовской дорожке и пошел. Сперва на плотах плавал, лес отцовский на Волгу сгонял, лес да вода, да небеса вверху! – вот и все учителя. Народную школу, впрочем, окончил и даже большие способности проявил: две зимы еще в городской школе пробыл, но лес опять к себе потребовал, образование оборвалось, и снова – лес, вода да небеса, Божье приволье и матушка-Волга моими учителями сделались. Отец буксирный пароход арендовал, и с 10 лет я окончательно водяным жителем сделался. С весны до глубокой осени на пароходе живешь, все куда-то едешь, все вода под колесами шумит, машина и днем и ночью неустанно работает, а мимо города, села, деревушки плывут. И так к этому привыкаешь, что, когда с воды на сушу вылезаешь, так скучно, словно чужой на твердой земле. Хозяйский сын на пароходе,– конечно, первое лицо. Все, что угодно, изображаю: и лоцман я, и капитан, и конторщик, и машинист. На все руки. Пять лет на своем "Трудолюбивом" проплавал, хорошо пароходное дело изучил, матушку-Волгу от Нижнего до Астрахани так знал, что разбудят ночью, оглянусь и сейчас же узнаю, где плывем. На память выучил. Потом отец торговать стал, ослабел, разорился и помер… утонул – и я старшим в семье остался… И пришлось мне с его парохода на чужой перейти. Сперва лоцманом на буксире плавал, потом – капитаном сделали. С завистью смотрел я на легкие пароходы, и казалось мне тогда, что самый счастливый человек на земле и на воде – это капитан легкого, быстроходного парохода. И Господь мою просьбу уважил. Словно чудо

вышло. Однажды подплывая к Астрахани, вот этак же молился, а не прошло и трех дней, как обратно из Астрахани помощником капитана на легком бежал… Да ведь не вторым, а старшим помощником!.. Старший помощник на вахте дежурит, всем пароходом наравне с капитаном правит… А мне всего-то двадцать два года! И кудрявый, и сильный, как ломовая лошадь, и жизнь во мне кипит, и радость огнем пылает. Все за что-то любят: и капитан, и агенты, и матросы, и пассажиры. Три года только помощником проплавал и в капитаны превратился…»

Упомянутый буксирно-пассажирский пароход «Трудолюбивый» в реальной жизни принадлежал купцу Фогелю, был больших размеров; машина в 120 сил. Пассажирские каюты были устроены на палубе. Грузу мог поднимать до 30 000 пудов.» Образ жизни команды, семейственность и традиция покупать и перевозить попутно для продажи разный товар и сегодня типичны для экипажей теплоходов, в чем пришлось самому убедиться во время поездки по Волге в начале 2000 годов, да и в советское время было не грех накупить в Астрахани арбузов, воблы, да копченой стерлядки и привезти родным и друзьям в Нижний. А для команды это был и остается дополнительный приработок. Семеныч из рассказа Чирикова «На стоянке» рассказывал, как « из Нижнего с ярмарки панского товару забирал, в Казани – татарского мыла прихватывал, в Самаре – пуховых платков оренбургских – все это вез в низовья и на стоянках по селам и слободам с большим барышом продавал, а из Астрахани вез в верха – арбузы, дыни, виноград, айву, помидоры, красную рыбку, тайком за бесценок от «вольных ловцов» перекупленную – и тоже копеечку зашибал. За навигацию сотню жалованьем получал да столько же торговлей своей промышлял.» Часто пароходы в произведениях Чирикова становятся неким духовным центром. Неслучайно у Чирикова звучит фраза: « Священник – батюшка, а Волга – матушка». Вера православная и река всегда рядом. Словно сама церковь переезжает на пароход, причем в прямом и переносном смысле. Чириков описывает небольшие часовни на борту парохода, а где их нет, то местом для молитвы и бесед на религиозные темы становится корма парохода.

В рассказе Чирикова «Между небом и землей» описан уникальный пароход «Валаам», команду которого составляли исключительно монахи Валаамского монастыря. « На первых порах это было так странно: пароход, на котором и капитан, и лоцман, и матросы, и все прислуживающие публике – монахи, послушники и служки, даже повар – в монашеских подрясниках! Особенно неуместным казалось это, когда пароход стоял у Калашниковской пристани, в самом центре столичной суеты, около кипучей торговой площади. Шум, крики, брань, грохот, звонки, толкотня, ржанье лошадей,– все это скатывалось в клубок из движений и звуков, ярко окрашенных мелкими человеческими страстишками – и монастырский пароход, такой тихий и кроткий, с черными силуэта-

ми монахов, с огромной иконой Богоматери, пред которой теплилась лампада, с нерукотворным образом Спасителя на полотне кормового флага – казался гостем нездешней стороны.» Чириков действительно посещал остров Валаам, а пароход «Валаам» действительно курсировал между Петербургом и Валаамским монастырем. «Первым собственным монастырским пароходом стал полученный в качестве пожертвования в 1870 году пароход «Ладога». Судно получило имя «Сергий» в честь основателя обители. Первым капитаном был монах Иракл. После парохода «Сергий» монастырь приобрел небольшой катер «Николай». « В апреле 1896 года монастырь купил пароход «Ладога» длиной более 40 метров. Монастырь дал кораблю новое название «Walaam», и 15 мая он встал на линию Сортавала – Санкт-Петербург (Калашниковская набережная) с заходом на Валаам. К сожалению, «Walaam» не долго радовал монастырь. 1 мая 1898 года на полной скорости он налетел на торчащие из воды скалы и утонул. Столкновение было настолько сильным, что оторвался корабельный паровой котел.»

Судя по дате аварии, Евгений Николаевич Чириков не мог переезжать из Петербурга на остров Валаам на этом пароходе, но название и история этого парохода его явно вдохновили.

Это не единственная трагическая история, связанная с пароходами, описанными в письмах и произведениях писателя. Пароход «Купец» из рассказа «Сон сладостный» тоже не избежал трагедии. Газета «Русское судоходство» в 1905 году сообщала: «10 октября в 3 часа утра столкнулись два пассажирских парохода: «Тургенев» о-ва «Самолет», шедший в Астрахань, и «Купец» Купеческого о-ва, шедший в Казань. Несчастье случилось верстах в 10 ниже Ставрополя, в Жигулях у местечка, известного среди волгарей под названием Бахилов-Враг. При столкновении сильно пострадал «Тургенев»: «Купец» расщепил у него часть построек на носу, разрезав корпус. Пострадали на «Тургеневе» и пассажиры: одной женщине раздробило в двух местах ногу, мужчине сильно помяло бок, несколько пассажиров получили ожоги паром из переломленной при столкновении трубы парового отопления. «Тургенев» выбросился к берегу и затонул носовой частью. Много товара, преимущественно мануфактурного, оказалось залитым водой. Пассажиры числом до 500 человек были сданы на пароход «Казанец». «Купец» пострадал сравнительно немного: ему помяло только нос. Причины столкновения неизвестны.»

Чирикову самому приходилось не раз заниматься инцидентами с пароходами, когда он в 1901–1902 годах в Ярославле и Нижнем Новгороде работал инспектором пароходного общества «Надежда». Сохранились письма писателя, написанные на бланке этого пароходного товарищества. Находясь вдали от Волги, Чириков скучал по любимой реке, стремился к ней.

В 1915 году он пишет из Петербурга дочери Валентине на фронт: " Волга меня голубит, ласкает, вообще она меня обновляет. Вот не был

прошлое лето на Волге и теперь устал раньше обыкновенного и чувствую себя вяло, плохо и недеятельно."

И никакие технические достижения и чудеса столиц и заграницы не могли заменить ему счастья быть на Волге, стоять на палубе волжского парохода, общаясь с пассажирами и любуясь проплывающими мимо берегами. В 1909 году Чириков со своим другом, писателем Леонидом Андреевым отправляется на пароходе в Северную Европу. В Гамбурге они осматривают гавань и посещают огромный океанский лайнер, который удивил, но не восхитил Чирикова. Вернувшись в свою каюту, он пишет письмо супруге: «Сегодня мы объезжали на маленьком пароходе гавань с проводником. Гавань – это целый город с бесконечными улицами и проулками, мостами, подъемными кранами, какими-то рядами зданий, висячих мостов и бесконечным количеством судов. Среди громадин бегают, как велосипедисты среди экипажей, маленькие пароходы и паровые лодки; дым из трубы тянется разноцветными лентами: то черный, то синеватый, то подобный пару и надо всем этим гул пара, стук, лязг железа, гомон людских криков! Ад, но – порядок удивительный: все делается, как в одной сложной машине.

Посетили самый большой американский пароход “Victoria”. Прямо подавляет своей колоссальной вместимостью. Поглядишь издали – дом = 5–6 этажный. А внутри – прямо заблудиться можно: бесконечные коридоры, площади, залы. Каюты похожи на отличные номера в гостинице: есть каюты по 5 комнат! Двухместная = номеру в Лоскутной рубля за 3. Салоны в 1 классе нельзя и думать, что они на воде. Кухни – как в громадном ресторане. Палубы имеют названия, как и площадки: верхняя – Sonnendeck, вторая – Keiserdeck, третья – Victoriadeck, четвертая – не знаю, пятая – служебная… Отделка – дивная, всё блестит, всё ярко… Лестницы покрыты гутаперчевыми коврами, чтобы не скользила нога. Пароход грузился, и когда сверху посмотришь в раскрытый люк,– словно с 5-этажной лестницы в пролет. […] И как перенесусь в Россию, в наши города,– Боже, что это за мизерность!.. Но зато – душе у нас на Волге куда теплее… Представляю себе гладь Волги, пароходы, уху из стерляди, “батюшку” на палубе, рабочих на корме, баб, ищущих вшей,– и так делается тепло на душе, все родное: даже “батюшка” и “вши” …» В изгнании мучительная тоска по России и Волге выразилась в строительстве моделей пароходов.

Дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон, жившая с родителями по соседству с Чириковыми под Прагой, вспоминает:

“ Тоска жила в комнате Евгения Николаевича, воплощенная и воплощаемая им – нет, не в рукописях: в деревянных модельках волжских пароходов, которые он сооружал на верстаке у окошка, глядевшего в гущу сада. Комната была населена пароходами – маленькими и чуть побольше, баржами, тихвинками, шитиками, гусянками, челнами и косными … Тесно было волжанину во Вшенорах, мелководно! “

Переехав в 1925 году из Вшенор в Прагу, Евгений Николаевич продолжил мастерить модели волжских пароходов. Давал им имена тех, на которых сам плавал когда-то. На палубах стояли герои его произведений: юные девушки и дамы с детьми, студенты и офицеры, священники, капитаны и матросы. Поэт Игорь Северянин, посетивший Евгения Николаевича в 1925 году и восхищенный моделью парохода «Боярин», написал стихотворение, вошедшее в его цикл «Медальоны»: Когда, в прощальных отблесках янтарен,

Закатный луч в столовую скользнет,
Он озарит на полке пароход
С названьем, близким волгарю: “Боярин”.

Строителю я нежно благодарен,
Сумевшему средь будничных забот
Найти и время, и любовь, и вот
То самое, чем весь он лучезарен.

Какая точность в разных мелочах!
Я Волгу узнаю в бородачах,
На палубе стоящих. Вот священник.

Вот дама из Симбирска. Взяв лохань,
Выходит повар: вскоре Астрахань,–
И надо чистить стерлядей весенних …

Расписание движения парохода «Боярин» сегодня представлено в краеведческом музее города Сенгилея рядом с портретом писателя. Незадолго до смерти Евгений Николаевич смастерил из стекла, губки, мха и дерева большую панораму «Городок на Волге», которая стояла у него в квартире на книжной этажерке. Зеленые волжские берега, белые церкви, коричневые деревянные избы с баньками, синяя гладь Волги и белые, белые пароходы, стоящие у причала или уже отвалившие от берега и взявшие курс на дорогие сердцу писателя волжские города. Он мечтал вернуться на эти берега, но не успел. Когда в 1932 году Евгения Николаевича Чирикова не стало, панорама Волжского городка стояла у изголовья гроба покойного. А вокруг на полках прощались с писателем его пароходы. Проходят десятилетия. Умирают люди, ветшают и ржавеют в затонах старые пароходы, но на страницах книг продолжают жить литературные герои Чирикова, а в Архангельске еще ходит по Двине последний и единственный на всю Россию старинный колесный пароход «Н. В. Гоголь». Построенный в 1911 г. на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде, он продолжает принимать на борт своих пассажиров – таких же влюбленных девушек и юношей, дам с детьми, благородных военных и седовласых священников. В 2019 году

присоединились к ним и мы с сыном Алексеем. Прогуливаясь по палубе, заходя в машинное отделение и на капитанский мостик, мы представляли себя на другом пароходе, носящем также имя писателя Гоголя и ставшем литературным героем романа Чирикова «Жизнь Тарханова». Во времена Чирикова на Волге их было два. На каком-то из них покидал Тарханов с Зоей Нижний Новгород. Мы сидели в каюте и читали строки романа:

“ Смотрел он на исчезавший в голубой дымке Нижний, а в душе шевелилась грусть. Какая-то неприятная беспокойная грусть. “Нижний…” – шептали механически его губы, и он почему-то вздыхал. От зелёных берегов, от сёл с белыми церковками и синими куполами, от песчаных отмелей… Всё такое близкое, такое желанное, такое родное, и от всего струит не радостью, а сожалением, разлукой и невозвратимостью.”

Колесо истории, как колесо старого парохода, продолжает вращаться. Время неумолимо идет вперед.

СОДЕРЖАНИЕ

МАРГАРИТА ШУВАЛОВА

«Нет лица у войны…» 3
Цветок Донбасса 3
«Сняты белые одежды…» 4
Письмо 5

ТАТЬЯНА ЕЛИСЕЕВА

Письмо солдату 6

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

Ихтис 7
Туман 7
Звезда Рождества 8
Рождество 8
Крещение 9
Донбасская Пасха 9

СЕРГЕЙ АНКУДИНОВ

Разделённая и неразделённая любовь. Пьеса 10

ВАЛЕРИЙ МУХИН

(О книге Станислава Куняева) 38
Смерть 39

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

«Опять ветра заводят перебранку...» 40

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

«Соцгород и победа» (журнальный вариант) 44

М.А. ЧИРИКОВ

Пароходы в жизни и творчестве Е.Н. Чирикова 64

Литературно-художественное издание

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Главный редактор: Светлана Леонтьева
Редактор: Николай Пчелин
Редколлегия: Константин Казаков,
Михаил Садовский, Сергей Ерохин
Верстка: Сергей Ерохин

Отпечатано в типографии «Вариант».
Нижегородская область, г. Богородск
тел. (83170) 2-49-09
моб. 8-910-874-52-44